

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1351654>

Отец

Направленность: Смешанная

Автор: Пексикид (<https://ficbook.net/authors/287324>)

Беты (редакторы): Mr. Mad (<https://ficbook.net/authors/115741>)

Фэндом: Мифология, Тор (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Тор/Локи, Тор/Сив, Один, Сигюн, другие

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ангст, Фэнтези, Психология, POV, Мифические существа

Предупреждения: Зоофилия, Элементы гета, Элементы слэша

Размер: Миди, 58 страниц

Кол-во частей: 13

Статус: закончен

Описание:

Локи возвращается домой и приводит с собой Слейпнира. Однако, несмотря на мощные стены Асгарда, кто знает, какие опасности могут угрожать его жителям? И на что готов Локи, чтобы защитить единственное родное ему существо?

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

В списке фандомов указан фильм "Тор", но фанфик больше ориентирован на знающих мифологию. Впрочем, и тем, кто не знаком с ней, все должно быть вполне ясно.

ТОС

ТОС	2
Возвращение	3
Гроза и демоницы	9
Пир и видение	13
Об этой осени	19
Беглец	22
Осознание	27
О верности и врачевании	30
Нежданные гости	33
Змий	40
Помутнение	45
Письма из плена	51
Воры и последнее письмо	54
Последняя	59

Возвращение

С шумом стучит в самый затылок кровь.

Воздух с трудом входит в легкие. Обнимает духотой, что заставляет отирать со лба капли пота. Идарил прятал меня от обжигающих лучей Суль, но не мог защитить от пыльной, обволакивающей лениво весь Асгард полуденной жары.

Гроза не могла больше ждать. Я чувствовал страдания своей матери, что просила меня насладиться разряжающий воздух ливень, я почти слышал, как хрипло и сухо дышит она, как иссыхают травы и злаки на полях людей. Я чувствовал жгучий, металлический и ржавый аромат крови, стекающей по жертвенным столам, людской крови, которая падала на землю, не в силах насытить ее. Мидгард взывал ко мне.

Ноги мои дрожали и сильно вздулись вены на руках, Мьелльнир казался донельзя тяжелым, словно переполнен был всеми теми молниями и громами, что уже второй месяц лета почти не находили выхода. Метались, заточенные, внутри.

Я погладил обитую кожей рукоять молота, еще не успевшую, кажется, остыть от тепла моей руки: прошла всего одна ночь с тех пор, как я одолел подраставших в Йотунхейме юнцов. Каждое лето Суль гнала свою колесницу так близко к земле, что та стонала от обжигающих лучей огненной поклажи. И каждое лето великаны выпускали своих подросших за зиму отроков на волю, и ночи напролет проводил я на Востоке, чтобы хоть немного унять их безудержную, ничем, кроме силы, не сдерживаемую ярость молодости. Я не видел Асгард много ночей, но сейчас, когда он казался уже так близок, я более не чувствовал в себе сил двигаться дальше. Гроза подождет. Она пронесется, прошумит над Мидгардом этой же ночью, и искры из-под копыт славных моих козлов устрашат людей, но это будет позже.

Я опустил на травяной ковер Идарила, казавшийся почти прохладным, и я прикрыл глаза, чувствуя, как горячие, словно расплавленная смола, лучи солнца пробиваются сквозь листву вековых дубов. Листву, которая, казалась, шепчет мягко: «Спи, Тор...».

Я не знаю, сколько просидел я так, когда вдруг услышал, что кто-то пробирается сквозь чащу.

Пришелец шел тем же путем, которым только что прошел я, но приближался он медленно и словно лениво и, кажется, не таясь. Но кто из богов покинул Асгард, под сводами которого так прохладно и так легко дышится?

Шаги стали ближе, и я понял, что незнакомец идет не один. С ним была лошадь, судя по шуму шагов, небольшая, но... Нет, две, две лошади, но никогда не слышал я, чтобы животные шли так ровно, так синхронно. Я встал и взял в руки молот.

А через несколько секунд, когда незваные гости вышли из-за частокола деревьев, я вдруг понял, что сплю, ибо то, что предстало моим глазам, просто не могло быть правдой. Но я плотно зажмурил глаза, а когда открыл их снова, ничего не изменилось, и тогда я прошептал, кажется, его имя, и он поднял на меня свои блеклые глаза.

- Ты вернулся, - вырвалось у меня, я невольно сделал шаг ему навстречу, - Локи! Мы... Мы думали, что ты...

- Погиб? – слово было скрипучим, жестким, и Локи нахмурился удивленно, словно забыл звук собственного голоса.

- Что с тобой? Ты болен? - он выглядел ослабевшим, лицо похудело и подурнело, стало жестким, на нем замерла гримаса усталости, словно у смертного. Я разглядывал его поношенную, запыленную, как у бродяги, одежду, некогда бывшую достойным Аса

платьем, разглядывал стоптанные волшебные башмаки, я был слишком ошарашен этими разительными переменами и не сразу догадался перевести взгляд на спутника Локи. Да, теперь я понял свою ошибку. Его сопровождала всего одна лошадь, но никто не называл бы ее обычной, ведь она, совсем еще молодая, жеребенок, переминалась на восьми ногах. Тонких, дрожащих, как у любого детеныша.

- Кто это? – я сделал шаг к странному жеребенку, но он вскинул голову, попятился назад с испуганным ржанием.

Я посмотрел на Локи, и по коже, несмотря на удушающую жару, прошел на мгновение холод от его яростного взгляда.

- Не тронь его, - прошипел Лофт сквозь зубы, заслоняя собой жеребенка, - даже не смей до него дотрагиваться, Тор.

- Но почему? Кто это, Локи? Где ты был, и почему...

- Помолчи, сил нет слушать! Трещишь, словно сорока. Я хочу поскорее уже попасть в Асгард и наесться досыта, разрази меня гром! Идем, Слейпнир.

Он прошел мимо меня, не сводя с меня настороженного взгляда, словно готовый в любой момент отразить нападение, прошел мимо, проследив, чтобы Слейпнир не приближался ко мне ближе расстояния вытянутой руки. Локи задел меня плечом, но я не мог с уверенностью сказать, что это было нарочно, ибо Лофт сам весь дрожал, словно новорожденное животное, и с трудом передвигал ноги. Мне подумалось, что он, по всей видимости, до этого шел без отдыха несколько ночей.

Теряясь в догадках, я направился следом за странной этой парой, наблюдая, как Локи иногда цепляется за гриву жеребенка, такую же рыжую, как его собственные волосы и борода, словно боясь, что тот исчезнет.

- Вот, значит, как...

Мы стояли плечом к плечу перед воротами Асгарда, но Локи, кажется, обращался скорее к себе самому, нежели ко мне. Солнце клонилось, наконец, к закату, искажая наши тени, рисуя их великанами на воротах.

Я помолчал, давая Локи несколько минут на воспоминания. Асгард не видел его двенадцать месяцев, и сейчас Локи отошел на несколько шагов от жеребенка и дотронулся до не успевшей еще остыть от дневного жара каменной стены. Добротной и непоколебимой, как могущество Асов.

Я смотрел, как Локи, закрыв глаза, гладит неровные камни, смотрел на Слейпнира, на крупе которого блестели капли пота. Жеребенок беспокойно рыл восьмью копытами землю, тыкался мордой в спину Локи, фыркал, и я вдруг с жалостью понял, что он наверняка сбил в кровь ноги, ведь на копытах его не было подков.

«Надо обязательно подковать его завтра же» - подумал я.

Однако усталость и жажда становились невыносимы, и я подошел к воротам, приотворил их, и тут спутник мой, до этого не обращавший на меня никакого внимания, обернулся, глаза его заблестели любопытством, и на миг я узнал в нем того Локи, каким был он год назад.

- Как? – Быстро спросил он все тем же скрипучим голосом, с каким-то хищным интересом оглядел ворота, подошел к ним, не забыв, впрочем, положить руку на шею Слейпнира, чтобы конь следовал за ним.

Я понял, что его любопытство вызывает улыбку. Я скучал по Локи. Скучал весь Асгард,

без бога обмана замерший в своем до тошноты приевшемся благородстве, своем неколебимом спокойствии, неизменном величии.

- Она заколдована так, что открыть ее может только Ас, - пояснил я, толкая одну из дверей и пропуская Лофта вперед. Он, медленно прошел за ворота, бросая быстрые, как у птицы, взгляды то на ворота, то на меня, чтобы и насытить свою любознательность, и уследить за Слейпниром, ведь в моем лице он явно видел какую-то опасность для жеребенка.

- Чудно! – было мне ответом восторженное бормотание, которое мгновенно придало Локи сходства с темными альвами. Такие же оборванные, заросшие, с таким же алчным блеском в глазах. Только алчность Локи была не до золота, но до знания, ибо богам не свойственна любовь к богатствам.

- Чудно! – повторил он, когда ворота уже закрылись за нашими спинами, - кто заколдовал? – обернулся он вдруг ко мне, заглянув в глаза пытливым своим взглядом вечного искателя. Я почувствовал вдруг жалость к Локи. Ведь жажда познания иссушала его, не давая жить спокойно ни минуты. Сколько я его помню, он всегда без устали, ночами напролет, читал какие-то ветхие книги, колдовал. Локи бывал в каждом из девяти миров по тысяче и тысяче раз, и я не понимал, как там могли еще остаться неизвестные ему существа, материалы и явления.

- Один, конечно, - не сразу ответил я.

Во внутреннем дворе нас встретил только аромат душистых трав. Я почувствовал легкое раздражение, ведь и сам я не видел дома много дней и ожидал радушного приема. Время ужина уже прошло, так что домочадцы, по-видимому, отдыхали от дневной духоты в своих чертогах. Впрочем, скоро должен был начаться пир в Вальхалле, а и мне, и Локи явно необходимо было до его начала встретиться с Одним, чтобы доложить о своем возвращении.

Копыта Слейпнира стучали по золотым ступеням парадной лестницы – клок, клок, клок. Сколь неестественным казался этот перестук целых восьми копыт!

- Как он в них не путается? – попытался пошутить я, но лицо Локи осталось бесстрастно. Выяснив (если Локи вообще умел осознавать, что что-то можно выяснить и понять до конца), как устроены ворота, он вновь потерял интерес ко всему окружающему, кроме Слейпнира. Рукава рубахи его пропитались стекавшим с крупа лошади потом. Валаскьяльв находился на конце нефа, и мы прошли еще много шагов в молчании, прежде чем достигли его.

Под сводами дворца было прохладно, и я с наслаждением подумал о том, что сегодняшней же ночью меня ждут не кулаки великанов, а объятая Сив, и не походная похлебка, но сочное мясо Сехримнира. Предаваясь своим уютным мыслям, я перестал раздражаться на Локи, который снова не обращал на меня решительно никакого внимания. Не рассматривал он и знакомые стены дворца, как обычно делают это вернувшиеся домой после долгого путешествия странники.

Он не задержался ни на мгновение перед чертогом Одина, с силой, неожиданной для его ослабевшего тела, толкнул обеими руками двери и вошел внутрь палат, за ним, не отставая ни на шаг – Слейпнир, за ними - я.

Локи быстрым шагом человека, которому хочется как можно скорее завершить обязательную, но нудную формальность, подошел к трону Всеотца. Тот сидел, склонившись к своим волками, которые, свесив розовые языки, расположились у его ног. Локи так же стремительно, как до этого шел, встал на одно колено и, почтительно

опустив голову, замер в поклоне. Слейпнир стоял рядом с ним на удивление смиренно, словно Локи заколдовал животное. Я подошел и, поймав обращенный на нас взгляд отца, поклонился тоже.

Один, не спуская, впрочем, единственного глаза с нашей троицы, дослушал то, что неслышным шепотом докладывали волки, а потом, почесав за ухом каждого, отпустил их.

- Здравствуй, Тор! Как там дела на Востоке? – Один явно пребывал в хорошем расположении духа, он встал с престола и медленно спустился к нам. Быстро обнял меня и поцеловал.

Локи, по-прежнему коленапреклонный, не шевелился, словно каменный идол самого себя, выстроенный людьми.

- Теперь все спокойно, Всеотец, - ответил я, но Один, лишь рассеянно кивнув мне, подошел к Локи и мягко позвал его по имени.

Бог огня вскинул голову, словно ждал этого оклика, рыжие его волосы в этой облицованной серебром зале казались еще ярче, и на лице его, окаменевшем от усталости, мелькнуло подобие улыбки.

- Встань, Локи, к чему этот балаган? – Один помог ему подняться, а затем крепко обнял со смехом, - Ох, брат, мы уже и не чаяли, право, тебя увидеть! Локи, Локи! Ты только посмотри на себя!

Всеотец отстранил от себя Лофта, держа его за плечи, разглядывал, как любимого сына, но я не чувствовал почему-то ревности. Просветлевшее лицо Локи, его пусть и натянутая, но улыбка, обогрели сердце, но это тепло, в отличие от тепла удушающего полудня, было приятным.

Локи никогда не походил лицом на Аса, но сейчас он, казалось, и вовсе утратил то выражение невозмутимого спокойствия, что присуще всем богам. Но вот что странно: это не умалило красоты его правильных черт.

Один поцеловал Локи, как брата, и обратил, наконец, внимание на жеребенка.

- Как его имя?

- Слейпнир, - Локи, поджав губы, следил за рукой Одина, протянувшейся, чтобы погладить жеребенка по морде. Тот с любопытством обнюхал руку Аса и был, кажется, совсем не против его ласки, но Локи, видимо, имел собственное мнение на этот счет, пусть и не осмеливался высказывать его вслух.

- Однако, не сильно он шустрый, - заметил Один.

- Мы устали в дороге, - кратко ответил Локи, - но почему ты не спросишь, откуда он у меня?

Локи выглядел разочарованным, ведь ему, очевидно, не терпелось раскрыть эту тайну. А мне, если начистоту, очень хотелось быть в нее посвященным с того самого момента, как я впервые увидел Слейпнира.

- А ты думал, я не знаю? – и куда девалось все простодушие Одина?

Я моргнул, дивясь перемене в поведении отца. Перед нами уже был не мягкотелый старик, соскучившийся по давнему другу, но собранный и могущественный Мудрейший, знающий больше любого из бессмертных, видящий, кажется, насквозь каждого.

Локи открыл было рот, чтобы что-то сказать, и, кажется, то же сделал и я, но Один опередил нас обоих ласковыми словами, обращенными к жеребенку:

- Только одно мне непонятно, Слейпнир Локисон, отчего у вас целых восемь ног, ведь у родителя вашего, помнится, их было всего четыре, когда он понес?

В тот момент в голове моей возникли сразу две мысли. Первая: Один сошел с ума. Я отменил ее как невозможную, и на месте ее возникла следующая: Я ослышался.

- Что? – тупо переспросил я, и мужчины обернулись на меня с одинаковыми снисходительными взглядами.

Я почувствовал себя глупым отроком, но слишком уж мне хотелось выяснить правду:

- Ты, Всеотец, сейчас сказал, что Локи...родил Слейпнира?!

Локи ухмыльнулся и как-то похабно оглядел меня, и мне стало неуютно от его взгляда.

Если это правда, то это значит, что тот конь...

- Ты умнее, чем кажется, Аса-Тор.

Я не мог дольше выдерживать этот его взгляд, взгляд нагловатого, горделивого сладострастника, когда Один произнес:

- С минуты на минуту в Вальхалле начнется пир. Вы ведь наверняка голодны?

Локи медленно перевел взгляд прищуренных своих глаз на Всеотца и слегка поклонился в знак благодарности.

- Христ, Скульд! – позвал Один, и одна из дверей чертога открылась, и из нее вышли валькирии, уже переодетые к ужину. Обе поклонились нам, но, сколько ни старались сохранять невозмутимость, то и дело косились на Локи и его... ребенка.

- Велите приготовить купальню для Тора и Локи и отведите этого коня в конюшню Хеймдалля, он позаботится о нем. Да поторопитесь, чтобы успеть к началу пира!

- Да, отец, - ответила Скульд, не сводя глаз с Локи, а молчаливая по природе Христ просто кивнула.

Но одновременно с голосом валькирии прозвучал сорвавшийся неожиданно, неприлично голос Локи:

- Нет!

Теперь, когда я понял, что Слейпнир не больше, не меньше, чем сын Локи, я считал его реакцию, да и странное его поведение абсолютно закономерными, но валькирии вопросительно поглядели сначала на Лофта, а затем на Одина, ожидая распоряжений.

- Нет! – продолжал Локи, перебирая нервными грязными пальцами гриву жеребенка, - нет! Ни к какому Хеймдаллю! Это слишком далеко!

- Локи, это же около Радужного Моста, совсем не... - возразила Скульд, но яростный взгляд бога огня заставил обычно бойкую и храбрую воительницу замолчать.

- Я прекрасно знаю, где конюшни Хеймдалля. И Слейпниру там делать нечего. Он останется в моих чертогах, и...

- Не будь глупцом, Локи, - оборвал его Один, он, кажется, хотел поскорее уже решить это недоразумение и отправиться в Вальхаллу, - Хеймдалль отличный конюх.

- Это слишком далеко, - упрямо отрезал Локи.

- Конь может остаться в конюшне Тора вместе с Тангниостром и Тангрисниром, - вдруг негромко, но в повисшей напряженной тишине отчетливо сказала Христ.

Локи посмотрел на нее, потом на меня. А я, к слову, уже тоже изрядно проголодался и готов был согласиться с любым разумным предложением, лишь бы оказаться уже поскорее на пиру. Поэтому я кивнул, давая понять, что совсем не против.

- Хорошо, пусть так, - к всеобщему облегчению, решил Локи, - хотя ему и не место рядом с какими-то там козлами!

- Прекрати ехидничать, Локи, - строго сказал Один, - что ж, если все довольны, я вынужден просить меня извинить.

И Один, а следом и Валькирии, вышли вон.

Мы с Локи переглянулись, и во взгляде его я снова заметил какой-то вызов, какое-то самодовольство, природу которого я не понимал, но которое смущало, заставляло отводить глаза, словно я был мальчишкой, говорящим с прекрасной женщиной.

- Давай уже быстрее с этим разберемся, - наконец, проговорил я, впрочем, совсем не с тем выражением, с которым хотел бы.

Памятуя о том, что сегодняшняя ночная гроза не могла долго ждать, я поспешил проводить Локи до своей конюшни, надеясь успеть перехватить пару кусков мяса на пиру Валгаллы перед тем, как выведу Тангниофра и Тангриснира в небеса.

Гроза и демоницы

- Быстрее, Локи, если хочешь, чтобы я закрыл конюшню.

- Я закрою сам. Можешь проваливать.

Голос его звучал глухо. Он стоял ко мне спиной, склонившись над Слейпниром и прижавшись лбом к его морде.

- Нет, Локи, мои конюшни ты закрывать не будешь, - меня раздражала эта сентиментальная медлительность, гроза более не могла ждать.

- Они такие же твои, как и Слейпнира.

- Локи, я прошу тебя! – не выдержал я, - неужели забыл, как сам недавно изнывал от жары?!

Локи обернулся. В полумраке конюшни его лицо, освещенное только светом звезд, просачивающимся сквозь открытые двери, казалось прежним, спокойным, искаженным только постоянной раздраженностью, но не этой теперешней усталостью и горечью, природу которой я не понимал.

- Позволишь зайти к нему, когда будешь кормить козлов? – я не узнал его голос - тихий, почти кроткий.

Я молча кивнул, боясь, что слова могут выдать то беспомощное чувство сострадания, которое я испытал вдруг к богу огня.

Трангистр и Трангньостр возбужденно рыли копытами землю, блеяли, бодались, словно молодые козлята, пока я впрягал их в колесницу, что, к слову, далось мне с немалым трудом, ведь обоим застоявшимся в стойле помощникам моим не терпелось взмыть в небеса. И они крутились, путали поводья, тыкались носами мне в руки, приветствуя и радуясь мне. Мне и самому, по правде сказать, не терпелось оказаться в воздухе.

- Подождите, сейчас я, - бормотал я, - Трангньостр, не крутись, не крутись, скотина ты безмозглая!

Мне не пришлось даже щелкать поводьями – стоило им оказаться в моих руках, козлы сорвались с места и, взяв лишь несколько шагов разбега, взлетели вместе с колесницей, взрывая копытами землю.

В лицо мгновенно пахнуло прохладой, впервые за долгие недели; ветер откинул назад мои волосы и бороду, с шумом встрепывая одежды, и я ощутил невероятный прилив сил, словно и не проводил много дней в тяжелейших битвах.

Я, кажется, кричал что-то, хохотал, совершенно обезумев от охватившей меня животной радости, отпустил поводья, позволив Трангнистру и Трангньостру с блеянием мчаться во весь опор, искры из-под колес колесницы сверкали, наводя, должно быть, благоговейный ужас на жителей Мидгарда.

Я медлил, не позволяя нависшим над самой моей головой дождевым тучам излиться на землю, я ощущал сладостную дрожь во всем теле, я прикрикивал на козлов, которым, видимо, передалось мое возбуждение, и они в эйфории неслись все быстрее, колесница грохотом своим оглашала небеса. Чувствуя, что Мьелльнир дрожит за поясом, как живой, я взял его в руки, и, возведши над головой, позволил скопившимся громам и молниям вырваться наружу. Сразу несколько молний трещинами исказили небо, и в тот же миг тучи пролились ливнем.

Я почувствовал слабость, закружилась голова, и я оперся о борт колесницы, чувствуя, как ледяные капли срываются с волос, и понял, что не в силах смеяться, хотя на губах дрожала улыбка.

Замедлили свой бег и козлы, чувствуя, как затих мой экстаз, и пошли ровной рысью. Я был им благодарен за это, ведь мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Подняв, наконец, голову, я протер глаза и глянул вниз. На расстоянии многих миль различил я дома мидгардцев, разглядел поля, жадно впитывающие влагу, насыщаемые ею, разглядел шумевшие в приветствиях леса, шорохом сотни листьев стройно прославляющие мое имя в гимнах на забытых пра-языках.

Я вдруг различил вдалеке колесницу Мани и щелкнул поводьями, направляя Трангнистра и Трангньостра в ее сторону.

Приближаясь к извозчику Луны, я взметнул молот, знаменуя свое приближение громовым раскатом, и Мани обернулся. Бледное лицо, никогда не видящее Солнца, озарила радостная улыбка, которую он мгновенно сменил более скромной, потупил глаза, как полагается слуге, и поклонился – не отпуская, впрочем, поводьев, так что поклон вышел неловким.

- Доброй ночи, Мани! – поравнявшись с его серебряной колесницей, перекрикивая шум ливня, приветствовал я его, давая понять, что расположен исключительно дружелюбно, и потряс молотом, - как тебе погода?

- Превосходно, мастер! Без вас совсем изнывали от жары! - отвечивал Мани, - рад, что вы вернулись, мастер!

- Славная ночь! Ну, бывай, Мани! – и я пустил козлов галопом, снова позволил молниям пронзить небеса, и, потехи ради, пустил одну у самой колесницы Мани, обернулся и расхохотался тому, как забавно он отшатнулся, испуганный ею.

Остаток пути прошел спокойно. Облетев весь Мидгард, я почувствовал, наконец, всю ту усталость, что накопилась во мне за долгие месяцы. Теперь, когда просьбы матери-земли были выполнены, мне незачем больше было беречь силы, и я решил остаток их потратить на пир в Вальхалле. Он длится до самого утра, и я еще, верно, успею попасть на него хотя бы на пару часов.

Я развернул Трангнистра и Трангньостра, и они, уже было склонившие в изнеможении головы, вновь бодро затрусили, понимая, что возвращаются домой.

Устало передвигая ноги, козлы зашли в конюшню, где в своем стойле уже спал Слейпнир.

- Тихо, - велел я козлам, - не разбудите его.

В каменной конюшне было прохладно, и я, опасаясь, как бы Трангистр и Трангньостр не простудились с непривычки (после такого-то перерыва!) затопил печь и накормил их.

И лишь затворяя двери, вспомнил, что обещал Локи отвести его к Слейпниру.

«Впрочем», - успокоил я себя, - «Конь спит, и Локи, верно, тоже».

Проходя мимо бань, я заметил, что внутри горит свет. На порог вышла одна из хорошеньких служанок с огромной лоханкой. С трудом вылив из нее воду, она заметила меня, но нимало не смутилась и даже призывно улыбнулась мне, нисколько не стесняясь своей наготы. Я, в свою очередь, тоже улыбнулся, любуясь ее прекрасным телом, округлыми бедрами и полными грудями.

- Мастер, проходите, вы, поди, с дороги уставший! – и девка захохотала, а затем поманила меня рукой.

- Экая ты корригана! – пробормотал я и пошел за ней.

- Давайте, сударь, помогу вам, - ворковала девица, стаскивая с меня в предбаннике одежды, а я все глядел на ее раскрасневшееся от жара, потное лицо, блестящие зубки и прехорошенькие алые губки. Огромные глаза призывно заглядывали в мои, когда она, раздев меня донага, открывала дверь бани.

Возможно, дело было в духоте, но я совершенно ничего не соображал. Вырвавшийся из бани пар окутал меня, пленил, околдовал, как пар из котла ведуньи, и я слепо следовал за девицей, держащей меня за руку, и видел только ее демоническую улыбку, когда она оборачивалась.

Вдруг она усадила меня на лавку и исчезла.

Я моргнул, на мгновение чары женского сладострастия отпустили меня, и огляделся.

У противоположной стены сквозь клубы пара я заметил какое-то движение, и услышал вдруг голос, который не мог спутать ни с одним другим:

- Эй, красавица, натри-ка спину посильнее! Вот умница, и почему такая умница не замужем, а?

А вслед за этим – шлепок и похотливое девчачье хихиканье.

- Ну, сударь, полно...

- Локи! – крикнул я, и вдруг меня пронзила глупая мысль, что он не услышит мой голос через этот вездесущий пар.

- Тор, и ты здесь! – радостно отозвался Локи, и, не зная я его голоса, поклялся бы, что это не тот человек, который всего несколько часов назад не мог найти в себе силы попрощаться с любимым сыном.

Девица, а может, вернее сказать, демоница, заманившая меня сюда очарованием своего молодого пышного тела, вернулась с лоханью горячей воды. Из ниоткуда возникла еще одна, в голове у меня плыло, сердце от духоты стучало, готовое вырваться из груди, когда девицы начали мыть своими пухлыми мягкими руками мое уставшее тело.

- Вина моему другу Тору! – издалека донесся голос Локи, а затем – снова девичье хихиканье, сладострастное бормотание, звуки поцелуев.

Одурманенный ароматами трав и масел, которые пропитали баню, разморенный горячим паром и вином, разнеженный ласковыми руками обнаженных и безотказных девиц, омывающими мое тело, я впал в подобие дремы, и очнулся, когда они начали подстригать мою бороду в волосы, приводя их в порядок. Спросоня я перепугался, что они, верно, ведьмы, что с помощью волос моих нашьют на меня проклятье, но одна из них – та, что сидела на моих коленях – заулыбалась, глаза ее сверкали, и я снова впал в забытие, успокоенный.

Снова очнулся и понял, что девицы уже закончили и расчесывают мои волосы, а одна из них склонила голову мне на грудь, как жена или любимая. Пар уже немного рассеялся, и я увидел, как в противоположном углу Локи склонился над служаночкой, как он кладет руки на ее полные бедра, наклоняется к ее лицу... Я заметил, что кожа его тронута загаром, как у простолюдина, словно он много недель провел под открытым небом, взгляд мой против моей же воли замер на гибком его, поджаром теле...

И словно порыв воздуха ворвался в баню: я резко пришел в себя и, сбросив с себя оковы девичьих чар, столкнул демоницу со своих колен.

- Я вам, сударь, там чистую одежду принесла, - промурлыкала она мне вслед.
Я захлопнул за собой дверь, отрезав радостный визг и хохот девицы, которую лобызал Локи.

Наспех одевшись, я вышел из бани в прохладную после грозы ночь, и лишь тогда помутненный рассудок обрел, наконец, вновь ясность и меня накрыло омерзение к поведению Локи и ужас от осознания того, что я чуть было не поддался чарам этих ведьм, называемых женщинами.

Я поспешил к парадной лестнице, уповая успеть на пир в Вальхаллу.

Пир и видение

Дворец казался необитаемым.

Коридор, ведущий к чертогу Одина и Вальхалле, освещался масляными лампами, укрепленными на колоннах нефа. Свет их был тусклым, дрожащим, несмотря на безветрие, а в темные углы он не проникал вовсе. Дрожала и моя тень, и я шел, крадучись, словно вор, потому что шум шагов моих не гармонировал с этим помещением, в котором время текло, казалось, как-то иначе, чем в других местах.

Массивные дубовые двери, ведущие в Вальхаллу, были испещрены барельефами, изображающими историю сотворения мира, и я замер перед ними, совсем как в детстве, замороженный.

Прямо перед моими глазами были сцены войны с Ванам, и вдруг я вспомнил, что видел уже их, будучи неразумным мальчишкой. Но как мог я видеть их? Я ведь был, наверное, раза в три меньше, чем сейчас.

Я почему-то разволновался, этот вопрос ставил в тупик, въелся в голову, зудел, как заживающая рана, и я закрыл глаза, и тут же перед мысленным взором возникла картинка, словно только этого она и ждала.

- Это Асы, видишь? Вот Один, твой отец, на коне, смотри, какая у него броня. А вот и Ваны.

- Я не вижу!

- Ладно, давай я тебя подниму...

Я узнал этот голос, звучащий в моей голове, но боялся открыть глаза, чтобы воспоминание не ускользнуло, и я лишь крепче зажмурился и прикоснулся руками к картинкам, совсем как тогда.

- Почему Один убегает?

- Ваны оказались сильнее. Они увидели, как возгордились Асы, и решили их проучить. Видишь, они осаждают Асгард?

- Но Один все равно победил их потом, да?

- Нет, он поступил куда мудрее. Он решил заключить мир с Ванам. Смотри, они обменялись заложниками... А вот они пируют вместе. Теперь Асы и Ваны добрые друзья.

- А я кто?

Он опускает меня на землю и разглядывает картинки уже сам. Бледное безбородое лицо подростка с тонкими чертами, собранные рыжие волосы, жадно изучающий древние изображения взгляд.

- Аса-Тор, Одинсон - отвечает он не сразу.

- А ты? Ты тоже Ас, Локи?

Он бросает на меня взгляд, и губы искажает кривая ухмылка.

Я открыл глаза, словно очнувшись от видения. Отступил на шаг от стены, моргнул, перед глазами стояла эта ухмылка, которая совсем не изменилась, хотя прошло уже много лет. Это Локи. Локи, тогда еще только явившийся в Асгард, еще подросток, за которым я всюду ходил, как собачонка, потому что он знал много сказок и пережил столько приключений, хотя был старше меня не более чем на десяток мидгардских лет. Это он подводил меня к этим воротам и подсаживал, чтобы я, несмышлениш, мог разглядеть

картинки.

Воспоминание это, совершенно ничего не значащее, почему-то свербило в груди, словно я чем-то провинился перед Локи, но я не помнил, что произошло дальше и не мог вспомнить. Сколько ни напрягал память, последним, что я видел, была его некрасиво обнажающая зубы ухмылка.

Из-за дверей не доносилось шума пира, но запах жареного мяса мог беспрепятственно проникать в неф. Втянув его носом, я воспрянул духом, глупое детское воспоминание исчезло, словно его и не было, и я толкнул двери, которые легко отворились, как от прикосновения любого из Асов и Ванов.

Вальхалла оглушила меня. Стук сотен огромных деревянных кружек и ковшей друг о друга, топот ног, громкий, словно крики птиц-падальщиков, неудержимый хохот простолюдинов и гомон, радостные возгласы набитых мясом ртов – весь этот гвалт, тонуший в духоте и теплом запахе жареного мяса вперемешку с прогорклым и кислым запахом пота, одурманил меня. И я вдохнул его, как младенец вдыхает запах материнской груди, и просветлел сердцем, теперь уже в полной мере ощущая, что вернулся домой.

Во главе стола восседал Всеотец, я посмотрел на него и поклонился, а он, поднявшись на ноги, перекивая шум сотен грубых голосов, возгласил:

- Тор!!!

И тут же ко мне обернулись заросшие косматыми бородами, покрасневшие, испещренные боевыми шрамами лица, и сотни набитых мясом ртов завопили на разные лады, приветствуя меня, некоторые воины вскочили на ноги, которые нетвердо держали их, другие подняли кружки, некоторые просто вопили, возбужденные всеобщим восторгом.

Я смотрел в эти лица, лица отважнейших воинов, и меня переполняла радость от того, что эти достойнейшие люди приветствуют меня с такой любовью, смотрят на меня, будто ждут чего-то.

И я выхватил из-за пояса Мьелльнир, и, потрясая им, прокричал:

- Будем же пировать!

Зал взорвался новыми приветственными воплями, которые, впрочем, быстро стихли, чтобы уступить место чавканью и хохоту. Я прошел на свое место рядом с отцом, и сидящий по правую руку от меня воин – чернобровый, с изъеденным оспой лицом - передал мне кружку пива.

Я ел и пил, разглядывая этих славных парней, невольно заряжаясь их диким и грубым весельем и, когда кто-то затянул надтреснутым голосом песню, я поддержал даже нестройный хор грубых басовитых голосов. Я знал эту похабную застольную песенку: в ней пелось о воине, который был хорош в бою, «отважен, словно волк», а девицы над ним только хохотали, потому что в обращении с ними он был далеко не таким умельцем.

Однако, поймав укориженный взгляд отца, я оборвал песню и неловко, как мальчишка, улыбнулся ему, Один же наклонился ко мне. Ожидая выговора, я прислушался, но он сказал другое:

- Ты не видел Локи?

- Видел, как не видеть, - ответил я, с тоскою поглядывая на певцов. У кого-то при себе оказалась губная гармоника, и у весельчаков появился аккомпанемент.

- И где он?

- В бане, с девицами. Я думал, он еще раз захочет на Слейпнира поглядеть, а он и думать про него забыл, - засмеялся я.

Один улыбнулся в усы. Он не хуже моего знал, как охоч Локи до женского внимания.

- Славная гроза, Тор, - вдруг добавил Всеотец, и мне даже показалось, что он подмигнул, но я лишь почтительно склонил голову.

Когда пирующие уже заканчивали свою песню (история о воине заканчивалась тем, что он, попав в Вальхаллу, наконец-то смог ублажить одну из Валькирий) двери чертога открылись снова.

Все обернулись, но никто не завопил в приветствии. Наоборот, пьянчуги как-то притихли и перестали набивать рты.

Один тяжело поднялся на ноги, и лишь тогда я заметил, что он опирается при этом о стол. Осознание этого отозвалось слабостью во всех членах, словно дряхлость старика передалась на мгновение и мне.

- Локи!!! – прогремел Один, и голос его разнесся по залу, отражаясь эхом от серебряных стен, успокаивая меня своей властностью.

И тогда воины, словно получив команду, вскричали слова приветствия, а Локи, уже шедший вдоль одного из рядов к своему месту, вскочил на лавку и отвесил присутствующим комичный, преувеличенно почтительный поклон. Все расхохотались, и на лице Локи, когда он распрямился, тоже гуляла почти неуловимая улыбка, которую сложно было разглядеть вообще всегда, а после нескольких кружек доброго пива и тем более.

Локи занял место по другую сторону от Одина, прямо напротив меня.

Перед ним мгновенно очутились кружка пива и лучший кусок мяса. Он поблагодарил, почесал, довольный, бороду, и, не глядя на меня, принялся за еду. А я, наоборот, все разглядывал его, дивясь, до чего может перемениться человек, если его отмыть хорошенько, причесать волосы да подстричь ровно бороду. Локи снова выглядел щеголевато, не по-мужски аккуратно и до омерзения чисто – не в пример утреннему Локи, который казался бродягой, никогда не видевшим щетки и горячей воды.

Единственным напоминанием о долгом его странствии, которое не смогли смыть служаночки, был неровный, ржавый и некрасивый загар, не присущий Асу, на обветренном лице, покрытом от долгого пребывания на солнце веснушками, как у всех рыжеволосых. И без того мутные, блеклые глаза казались еще менее выразительными на этом смуглом лице.

Насытившись, я почувствовал вдруг усталость – впервые с того момента, как началась гроза. Разговоры слились в один сплошной гул, поднимая голову от своей тарелки, я видел Локи, смеющегося над шуткой соседа-воителя, и мне почему-то очень хотелось сказать ему, до чего я рад видеть его дома. Но одновременно бог огня казался бесконечно далеким, словно нас разделял не стол шириною в четыре локтя, а мили и мили, как и все эти долгие месяцы. Мне хотелось сказать ему и о своем воспоминании, но я решил, что это подождет. Теперь он не денется никуда.

Локи вернулся домой.

Для большинства присутствующих пир уже закончился. Раскрасневшиеся воины повалились на столы, храпели, а те, кого еще не сморили Асгардское пиво и медовуха, говорили тихо, рассказывая друг другу боевые истории. Кто-то попробовал было

затянуть песню, но певца не поддержали, и надтреснутый голос скоро стих.

Локи и Один тихо разговаривали между собой, я поначалу участвовал в их беседе, но быстро понял, что нить разговора ускользает от меня.

- Тор, не пора ли тебе на боковую? – насмешливо спросил Локи.

Я понял, что он прав.

- Доброй ночи, Локи, - кивнул я ему, и он эхом ответил: «доброй».

Поклонился Одину, и, дождавшись его кивка, направился к выходу.

Никто из пировавших, столь бурно приветствовавших меня всего двумя-тремя часами ранее, даже не заметил моего ухода.

Несколько месяцев – недостаточный срок для того, чтобы забыть знакомые с детства коридоры. Ноги сами несли меня к моему чертогу, и я с удовольствием думал о том, что в нем сейчас, должно быть, не в пример душной Вальхалле, прохладно, а прислуга, узнав о моем возвращении, наверняка позаботилась об уборке.

Я открыл двери своих покоев и понял, что в них и правда прохладно и легко дышится, и замер на пороге, оглядывая уютные родные стены.

И лишь тогда я заметил, что я в чертоге не один.

- Сив!

Жена подняла голову, круглое личико озарилось белозубой улыбкой. Она вскочила с кровати, где, по-видимому, дремала, и, подбирая юбки, подбежала ко мне – невысокая, розовощекая.

- О, Тор! – простонала она своим таким неподходящим ей, грудным голосом, и повисла, легкая, как стебелек, на моей шее.

Я обнял жену и сам не заметил, как по-ребячески уткнулся носом в ее даже в полумраке золотистые волосы, вдыхая теплый, мягкий запах женщины.

- Как же я тосковала!

- Ну, будет... - я чуть отстранил ее и вдруг понял, что губы ее дрожат, - ну, милая, будет, будет. Я же вернулся.

Я не переносил, когда женщины плакали.

Она знала это. На несколько секунд опустила глаза, а когда снова посмотрела на меня, в них был уже совсем иной блеск.

- Ты, верно, тоже скучал?

Я улыбнулся тому, как Сив наклоняет прелестную головку и лукаво глядит на меня, беря мои руки в свои.

- Как же не скучать, - ответил я, - скучал.

- Только ты, верно, устал? – она приблизилась на шаг, положила пухлые ручки мне на грудь, поглаживая ее.

- Совсем я не устал.

- Как же здорово! – засмеялась она, но не потому, что я сказал что-то смешное, а просто от радости, как смеются любой шутке идущие на поправку больные.

Отошла и повернулась спиной, чтобы снять платье, словно смущаясь меня.

Я смотрел, как она стягивает его через голову, оставаясь в одной только рубашке, как расплетает косы, так, что волосы ее золотыми волнами падают на покатые плечи. Я тихо подошел к Сив, и она обернулась, а потом взяла за руку, совсем так же, как давеча в бане брала девка, но руки жены, мягкие, не знавшие никогда грубой работы, были куда прелестнее. Она села на кровать, и я наклонился, чтобы поцеловать ее милую ручку, но она отстранила меня. Жестом велела снять куртку и рубаху, сама развязала маленькими

пальчиками тесемки моих штанов, и я не позволял себе даже шелохнуться, пока она нарочито медленно целовала мой живот, спускаясь все ниже. Я не позволял себе ни слова: эта маленькая женщина, кроткая и скромная в другое время, в делах любовных преображалась до неузнаваемости, не давая мне сделать по-своему ровным счетом ничего. И я обожал ее за это.

Мягкие губы поцеловали головку моего члена, а потом она полностью взяла его в рот, и я услышал собственный вдавленный вздох. Глаза ее были закрыты, руки сжимали мои бедра и ягодицы, а мне не дозволено даже дотрагиваться до ее головы и волос – она не любит этого.

Чувствуя, что стоять на ногах становится все труднее, я окликнул ее:

- Иди сюда.

Она прервалась, подняла на меня блестящие лукавые глаза, и я наклонился к ней, целуя покрасневшие губы, прижал ее к себе, стащил с нее через голову рубашку, и на мгновение замер, любуясь ею, словно впервые.

Целовал шею и полные плечи, ласкал груди, которые вздымались и опадали в такт ее учащенному дыханию, покрывал осторожными поцелуями ее мягкий животик, а она перебирала пальцами мои волосы, а потом несильно, но властно надавила мне на затылок.

Я взглянул на нее: «Не забываешься ли ты, Сив?», а она приподнялась на локтях и выжидательно и властно посмотрела мне в глаза: «Ну, чего ждешь?».

Этот взгляд сводил меня с ума. Сводила с ума одна мысль о том, что я действительно хочу делать все, чего желает это прекрасное создание.

Когда ей надоело, она позвала меня по имени, притянула к себе за затылок, а потом подмяла под себя, приблизила свое лицо к моему, но не давала поцеловать себя.

Золотые волосы ее падали мне на лицо, щекотали его, ее запах, сладкий, женский, обожаемый...

- Ты хуже Хель! – выдохнул я, а она тихо и сладко рассмеялась.

Я притянул демоницу к себе, крадя поцелуй.

Она оторвалась на секунду, но лишь для того, чтобы посмотреть мне в глаза, когда мой член проник, наконец, в ее влажное и горячее лоно. И лицо ее в этот момент было лучшим, что я видел когда-либо в жизни.

Я прикрыл глаза, позволяя ей взять все в свои руки – благо, она любила это.

О, Асгард, неужели те паршивые девки, черты которых были грубыми и некрасивыми, а кожа загорелой и обветренной, могли сравниться с этим прекрасным молодым телом, с этими тонкими чертами бледного лица, с этими пухлыми сладкими губами, с этими покатыми плечами?!

Я и Сив рождены были мужем и женою, не нашей волей была наша женитьба, но Творению было угодно, чтобы я полюбил ее, чтобы я воцарился только ее одну.

И даже те девки, доступные и развратные, что так привлекали Локи... Локи... Я вспомнил, как в клубах пара увидел его, прижимающего к себе девицу, смеющегося; и вдруг, помутненное мое от животного наслаждения сознание сплело воедино образ его обнаженного тела и саму суть Сладострастия, и *compositio** показалось мне прекрасным. Я вспомнил его поджарое, гибкое молодое тело в мельчайших подробностях, словно разглядывал его долгие часы, а не несколько минут.

Я открыл глаза прежде, чем смог понять, что вместо лица Сив надеюсь увидеть совсем другое – с такими же тонкими чертами, но скуластое, тронутое ржавым загаром и

усыпанное веснушками; надеюсь, что рассыпавшиеся по плечам гладкие золотые волосы окажутся всклокоченными, жесткими, медно-рыжими.

Но я открыл глаза, и то была Сив, и она запрокинула голову в сладостной судороге.

Примечание:

compositio - соединение (лат.)

Об этой осени

Наступил месяц Видара. И, подчиненная характеру молчаливого Аса, природа прогнала шумных птиц из их гнезд далеко на юг, а легкомысленная зелень лесов сменилась, повинувшись желанию Видара, багряно-красным и его излюбленным золотым.

Я давно уже забыл то радостное чувство, что испытывал в первые недели по возвращении домой. Привычное быстро превращается из родного и милого сердцу в обыденное и приевшееся. И я, безотчетно любя Асгард и его жителей, не сразу понял, что жизнь Асов, текущая размеренно, как медвяное молоко Хейдрун, не только умиротворяет, но и навеивает скуку.

Каждый год приходили ко мне подобные мысли, и каждую новую весну они отпускали меня, но сейчас дух месяца Видара, особенное его настроение словно замерли в прозрачном воздухе, и каждый опавший желтый лист, съездившийся и мертвый, напоминал, что первых заморозков осталось ждать недолго. Холодных зимних дней, когда вечера тянутся за вечерами, почти не уступая места свету дней.

Асгардцы готовились к зиме. Асины и слуги делали заготовки на зиму, и из кухонь доносились ароматы зимних блюд. Сив почти все время проводила там же, и я, предоставленный самому себе, слонялся без дела по окрестностям, от скуки частенько устраивая грозы или, в особенно невеселые дни, проливные дожди. Наступавшая после них серость вполне гармонировала с моим настроением. Домочадцы ворчали, что я развожу сырость, но они делали так год за годом, на деле же мало обращали внимание на дурную погоду, занятые каждый своим делом – времени до первых морозов оставалось все меньше, и Скади даже вырезала уже себе новые лыжи.

Единственным, помимо меня, жителем дворца, кто обычно не участвовал в приготовлениях к зиме, был Локи. Слабый здоровьем, он мало времени проводил на холодном воздухе, запирался в своем чертоге и сидел там безвылазно, чахнул над своими пыльными книжками и приходил в ярость, если кто-то пытался отвлечь его от занятий в пользу домашних дел. Постепенно Асгардцы махнули на Локи рукой и, устав выслушивать оскорбления и проклятия раздражительного строптивца, оставили его в покое с его книгами.

Однако эта осень была иной.

Локи часто видели прогуливающимся по саду, где он поминутно собирал какие-то листики, корешки и травы, некоторые из которых жевал, другие распихивал по карманам слишком теплого для этой погоды плаща, чтобы потом утащить, словно сорока, в свои покои. Там он раскладывал их по полочкам, ящичкам и мешочкам, которые у него занимали отдельную комнатку. Однажды попав туда, я ощутил тошноту от перемешивающихся в совершенно диком сочетании дурманящих запахов. Травы Локи использовал как для лечебных снадобий, так и для колдовства, и разбирался в них чуть ли не так же хорошо, как сам Фрейр. Впрочем, сложно было найти область, в которой Локи разбирался бы плохо или не разбирался вовсе. Слабость тела словно оправдывала себя поразительными ресурсами его ума.

Также Локи уговорил меня сделать для него дубликат ключей от конюшни, и иногда в его прогулках его сопровождал Слейпнир. Мне это было только на руку: Тьяльви, присматривающий за козлами, давно мечтал выучиться по-гречески, но его обязанности отнимали слишком много времени. С Локи же уговорились, что он, заходя за Слейпниром,

будет присматривать и за козлами. Таким образом, Локи мог навещать сына в любое время, а Тьяльви получил несколько свободных часов для своих занятий.

Так в один из последних теплых деньков я встретил в Асгардском саду отца и сына, когда возвращался из кузни.

- Добрый день, Тор, - Локи по привычке своей положил руку на круп Слейпнира, как делал он всегда, когда к коню кто-то приближался.

- Привет, - ответил я, - привет, Слейпнир.

Конь дружелюбно фыркнул, подошел ко мне и я, к видимому неудовольствию Локи, погладил его по морде. С того момента, как конь впервые появился в Асгарде, он рос стремительно, не в пример обычным лошадям. За два с лишним месяца Слейпнир достиг размеров взрослой лошади, хотя по возрасту его все еще можно было считать жеребенком.

- Вот вымахал! – заметил я, угощая Слейпнира яблоком, которое украдкой стянул на кухне.

На лице Локи появилась гордая ухмылка.

- Точно. Побыстрее других растет, а? Да и побольше будет, как думаешь? – ответил он, видимо, подкупленный моим лестным замечанием. Как же просто согреть сердце родителя! Просто удивительно, до чего отцы радуются любым похвалам, адресованным их детям.

- Как подковы? – я приподнял копыто Слейпнира, и он повернул голову, чтобы посмотреть, что я там делаю.

- Скоро, видимо, понадобятся новые, - отозвался Локи, - растет в два раза быстрее других жеребят, словно от того, что ног в два раза больше.

Локи с несвойственной ему живостью рассказывал, что Один настаивает на том, чтобы Слейпнир участвовал в лошадиных боях* Асов и Ванов, которые в знак дружбы проводились в Ванахейме весной. Бог огня даже развернулся и пошел обратно, чтобы проводить меня до крыльца. Слейпнир плелся следом, но наш размеренный шаг явно утомлял его – молодого, не знающего выхода своей силе.

Болтливость никогда не была одним из и без того бесчисленных пороков Локи – до тех пор, пока разговор не заходил о его сыне. «Видимо, тоже от скуки мается» - подумал я.

- И ведь он еще ребенок! – горячился Локи, - какие бои? Пусть своих жеребцов отправляет на бои, благо, их в Асгарде хоть отбавляй. Или вот Хэймдаллева пусть...

- Он участвовал уже, - напомнил я, - два года подряд одного коня не выставляют. Нас на смех поднимут.

Локи быстро и остро, как ворон, поглядел на меня своими белесыми глазами, а потом, явно обрадовавшись тому, что ему есть, что возразить, воскликнул:

- Так ты видел его? Шрам на морде, до самого уха! Ну нет, Слейпнир не какая-то там кляча, чтобы ему уродовали морду!

Конь, тем временем, тыкался этой самой мордой нам в плечи, фыркал, словно подгоняя – его сильным ногам невыносима была медленная ходьба.

- Ты хоть бегать ему даешь? – спросил я, начиная раздражаться невоспитанностью лошади.

- Ты, никак, спятил? – Локи поднял воротник плаща, ему вечно было холодно, - чтобы мой сын носился по полям, как какой-то там бешеный лось?

«Это ты спятил» - подумал я, но вслух лишь заметил, что конь молод и изнывает от

безделья.

- И вообще пора бы приучать его к седлу, - добавил я, на что Локи лишь презрительно хмыкнул, словно я вновь был неразумным мальчишкой, говорившим глупости.

Нет, Локи. Давно уже прошло то время, когда ничтожная наша разница в возрасте имела значение. Когда живешь несколько тысяч лет, десяток их имеет значение только в раннем детстве.

Я ушел в свои мысли и не заметил, что Локи выжидательно смотрит на меня. Он явно что-то сказал и теперь ждал ответа.

- Да-а, - протянул я, надеясь, что это будет уместно.

- Чего «да»? – проворчал Локи, - я говорю, что Слейпнир конь Одина, пусть тот и делает с ним, что считает нужным. Но только когда он вырастет, а пока это дитя, даже не думайте отправить его в бой или оседлать!

«Тоже мне, дитя» - подумал я, скрывая усмешку, которая точно вывела бы Локи из себя, а выслушивать проклятья и витиеватые оскорбления мне совершенно не хотелось.

- Конь Одина? Почему ты решил подарить его ему?

- Он мой брат, - просто ответил Локи.

Он щурился от осеннего солнца, которое еще могло согреть, но снова обретшая благородную бледность кожа его не воспринимала, казалось, тепла.

Примечание

Лошадиные бои - в древние время популярный вид развлечений в скандинавских странах. Животные-участники часто бывали изувечены или убиты в ходе состязаний

Беглец

- Урожай в этом году совсем плох от этих бесконечных засух, - с некоторым укором сказала Сив, но мне не хотелось разговаривать.

Впрочем, жену никогда это не останавливало. Она с поразительным равнодушием относилась к моему молчанию, говоря за нас двоих, и я уже жалел о тех днях, когда летом, после нескольких часов боя с великанами укладывался спать в благодатной тишине и одиночестве. Не видя Сив много дней, я забывал об этой ее бессмысленной болтовне, но сейчас она с каждым днем злила все больше. И природа этого раздражения была иная, чем прежде – злило само ее присутствие рядом, ласковый тихий голос ее был неприятен, словно тонкие птичьи крики.

Я не мог представить на ее месте иную женщину, но осознание этого не приносило успокоения, словно эта уверенность была шаткой, как гниющее дерево. Меня мучили сны, в которых рядом был кто-то иной, но я просыпался и не мог вспомнить свои грезы. Я перевернулся на спину и уставился в потолок, вполуха слушая, как Сив рассказывает о том, как проходит подготовка к зиме. Я хотел было уже попросить ее помолчать, но уловил в ее размеренном рассказе что-то, что заставило меня прислушаться.

- Сигюн совсем невыносимая стала. Представляешь, сегодня весь день с ней бок о бок провели, тут любой свихнется, право!

- А чего она?

Сив так удивилась, что я слушаю ее, что даже перестала расчесывать волосы и поглядела на меня, моргнула, словно сбившись с мысли.

Но я ждал ответа, сам не зная, почему, и она продолжила:

- У них же с Локи ни любви, ни... - Сив опустила глаза застенчиво, - вот она и бесится, как кошка в течку.

- Сив! – одернул я жену.

- Ну, право, не скажешь иначе! – воскликнула она, - огрызается, ворчит бесконечно, ей слово скажешь – она только буркнет что-нибудь, или вообще велит рот закрыть!

Молчать, что ли, прикажете?

Я подумал, что в чем-то прекрасно понимаю Сигюн, но в речах Сив действительно было здоровое зерно – Сигюн не свойственна была терпимость, вспыльчивостью она не уступала мужу, а своими крепкими выражениями могла заткнуть за пояс многих воителей. Женщины недолюбливали друг друга, поэтому ничего удивительного, что Сигюн грубо вела себя сегодня.

- Ну, иногда ты действительно многовато говоришь, - заметил я.

- Если тебе так утомительно, могу и вовсе молчать! – обиделась жена и принялась расчесывать волосы с еще большим ожесточением.

В любой другой момент я бы только обрадовался неожиданной тишине, но сейчас мне было слишком любопытно. Поэтому, выждав, пока Сив ляжет рядом, показательно отвернувшись, я обнял ее и поцеловал в шею. Какое-то время жена не реагировала на мои ласки, но потом перевернулась на спину и лукаво улыбнулась. Однако, как бы я ни жаждал продолжения, куда больше мне хотелось услышать ее рассказ.

- Так что там Сигюн?

- Так ты, значит, о Сигюн думаешь? – рассвирепела жена, - Это, знаешь ли...

Она осеклась.

Оба мы помнили, как получила она свои чудесные волосы, хотя никогда не упоминали об этом по негласному сговору. Все Асградцы понимали, что Локи отрезал волосы Сив неспроста и, хоть никто никогда не упоминал об их связи, обычаи хорошо известны были всем нам.

- Продолжай, - разрешил я, решив, что она достаточно наказана за свои глупости собственной совестью.

- Бесится из-за этого коня. Нет, мне, конечно, нравится он, быстрый будет, вот бы на нем прокатиться!

- Я попрошу Локи. Правда, он не приучен к седлу.

- Как же здорово! – улыбнулась Сив, - А, еще говорит, Локи вообще никого, кроме него, видеть не желает и не разговаривает ни с кем. Еще сказала, что он книги забросил. Тоже мне, горе!

- Ну, знаешь, это ты зря. У греков, например, есть такие истории в стихах, комедии. Смех! Жена пожала плечами и я не стал продолжать. Больше мы об этом не говорили.

В эту ночь я снова видел сны, и они были яркими, словно убранство осенних лесов, но ворвавшийся в грезы грохот и крики вырвали меня из грез, которые мгновенно забылись, стоило мне распахнуть глаза. Впрочем, жалеть было некогда – в дверь колотили.

- Вставайте, мастер! – узнал я голос Тьяльви, - Высокий желает видеть вас! Скорее, мастер!

Стук кулаков.

- Что за Хелевы проделки, - выругался я, - до утра еще далеко! Сейчас, Тьяльви, не колошмать ты, вот же глупый щенок!

- Что такое? – простонала сонная Сив, нащупывая мою руку своей.

- Одину чего-то взбрело в седую голову, - понизил я голос, опасаясь, что Хугин и Мунин где-то поблизости и доложат Всеотцу о моих словах, - я скоро.

Но она уже уснула, не дослушав до конца мой ответ.

Наспех одевшись, я покинул чертог, на пороге которого ждал меня Тьяльви, суетливо переминаясь с ноги на ногу. Помимо растрепанных волос, ничего не говорило о том, что он недавно спал – мальчик низко поклонился и поторопил меня.

- Мастер, Высокий не изволит ждать, быстрее!

- Да что случилось-то? – я, все еще пытаюсь ухватить за хвост тень своего сновидения, не желал понимать, что происходит.

Наши шаги гулко скатывались по стенам коридора, как камешки с горных вершин, но замок не казался спящим. С верхних этажей доносились голоса и торопливый топот ног, но Тьяльви ничего толком не пояснял, будучи чересчур взволнованным.

Тьяльви услужливо и с трудом приоткрыл передо мной главные двери замка, столь громадные, что верхушки их, великанов, терялись где-то высоко над головами.

Во дворе было множество народу, метались туда-сюда огоньки зажженных свечей, и в свете одного из них я различил лицо Одина. Всеотец стоял на парадных ступенях, даже в темноте светящихся, кажется, золотом, и когда я подошел, то мог видеть каждую морщину, трещиной уродовавшую его лицо.

- Слейпнир сбежал. Никто не может поймать, - коротко сказал он прежде, чем я успел спросить, о чем такой переполох.

Я ощутил раздражение – и ради этого меня будили?

- И чего всех поднимать? Я ожидал нападения великанов или чего-то такого...

Один всматривался куда-то за горизонт, словно ожидал увидеть там беглеца, куда-то за верхушки садовых деревьев, которые в непроглядной тьме казались взъерошенным головами молчаливой армии йотунов.

- Ты, Аса-Тор, неужели и правда забыл детей Локи? Неужели ты мало знаком с Фенриром?

Я невольно поглядел на нижние ступени, где отдавал какие-то команды слугам Тюр.

Брат мой, который никогда уже не возьмет меч в левую руку.

- Неужели забыл, какова Хель? Неужели не скорбишь о брате своем Бальдре, которого по ее воле больше не увидишь?

- Я понял, Всеотец, - склонил я голову, - не продолжай.

То был первый раз, когда я подумал о Слейпнире не как о безобидном отроке, а как об еще одном детище Локи, которые приносили Девяти мирам одни лишь беды.

- Что за проклятый род, - я не хотел говорить этого вслух, но Один не возразил мне, и я не мог быть уверен, что он услышал меня.

Подошел кто-то из слуг, и Один быстро спросил его о новостях, но работник лишь развел руками – Слейпнира нигде не видели.

- Позови Скади, - велел Один, а когда слуга ушел, добавил, что, если Слейпнир не найдется до утра, придется искать его с охотниками.

- А где Локи? – вдруг заметил я.

И действительно – бога огня не видно было среди собравшихся людей, которые, к слову, не делали ничего, только переговаривались между собой да чесали в затылке. Я хотел было еще спросить, почему Один не пошлет на поиски Хугина и Мунина, но вовремя вспомнил, что глаза воронов бессильны в темноте. Не слыша вопроса, но словно отвечая моим мыслям, Один задумчиво сказал:

- Гери и Фреки убежали на поиски... Не смог их удержать. Я надеюсь, они не порвут его. Добрый конь.

- Локи хотел подарить его тебе, - тихо добавил я, и Отец внимательно посмотрел на меня, взгляд его, кажется, потеплел, но, возможно, это лишь отразилось в единственном глазе пламя свечи. Он ничего не ответил.

За спиной раздались чьи-то быстрые шаги, я обернулся, и увидел, как из замка выбежал Локи. Все взгляды мгновенно обратились к нему, он оглядел всех, заламывая руки, и подошел к нам с Одним:

- Не нашли, - выдохнул он хриплым после сна голосом, - не нашли?!

Пламя свечи отразилось и в его бесцветных глазах, мгновенно окрашивая их оранжевым, но не делая теплее. На исказившемся от тревоги лице застыло уродующее мужское лицо выражение бессилия. Локи, в отличие от меня, осознавал угрозу, которую нес Слейпнир, в полной мере, как осознавал он все ужасы, что несли все, кому был он родителем. Я не понимал, как мог Локи не ненавидеть порожденных им тварей.

Один положил руку на плечо побратима, и тот опустил голову.

- Волки... ищут? – каждое слово Локи выговаривал, как последнее, словно каждый глоток воздуха входил в его грудь с болью.

- Я ничего не мог сделать, брат.

Бог огня отошел на несколько шагов и, не замечая взглядов столпившихся слуг и Асов, со стоном опустил на золотые ступени. Свет, проникавший во двор из приоткрытой двери

дворца, теперь освещал его, замершего, как замирают от солнечного света обращенные в камни тролли. На нем не было его обычного теплого плаща, но Локи, кажется, не замечал холода.

- Мало света, - мягко сказал Один, словно говорил с плачущим ребенком, - можешь сделать что-нибудь со свечами?

- Принесите факелы из дворца, - бесцветным голосом отвечал Локи, - зажгу, чтобы не гасли... Ищите в пещерах, закутках. Он любит прятаться, дурачина...

Слуги ушли за факелами, а Один тем временем рассказал, как произошел побег.

Оказывается, Слейпнир был уже настолько силен, что сломал дубовые двери конюшни. Кто-то из слуг видел его, и было известно, что предела Мира он не покидал – посылали к Хеймдаллю. Как конь выбрался за Асгардскую стену – неизвестно, и поисками прорех в стене уже занялись, разделившись на группы, сами Асы.

- Тангниостр! Тангриснир! – вдруг опомнился я, - они...

- В полном порядке, - успокоил меня Один, - даже не вышли из своих стойл. У тебя замечательно умные помощники, Тор.

- Я мог бы облететь окрестности, - заметил я, но Один покачал головой – Мани уже взял это на себя.

- Гери! Френки! – вдруг шепотом воскликнул Один, и Локи поднял голову, вскочил на ноги, устремив взгляд туда же, куда и Всеотец.

- Они? Они бегут, да? Брат! – бормотал Локи, но не получал никакого ответа, пока Один, наконец, не указал рукой куда-то вправо, не говоря ни слова.

Все взгляды устремились туда – на бесшумный, еще не до конца облетевший сад, в темноте сменивший все свои дневные краски на оттенки одного серого. Еще мгновение тишины, и до наших ушей донесся стройный топот копыт, словно две лошади мчались галопом.

- Догоняют, - проговорил Всеотец, - говорят, что догоняют...

Локи, все это время не отрывавший взгляда от сада, посмотрел на Одина и, словно приняв какое-то решение, ринулся по ступеням вниз. И в ту же секунду из-под сводов деревьев выбежал Слейпнир.

Даже обезумевший от ужаса погони, он был прекрасен. Бежал легко, и скоростью ему уступали не только все асгардские кони, но и конь Хеймдалля, а уж быстрее его лишь сам ветер.

Локи же в своих волшебных башкамах кинулся ему наперерез, и, казалось, догонит, но тогда из-под сводов деревьев показались волки Одина, двигавшиеся одинаково, словно один был зеркальным отражением или тенью другого. Но оба были вполне реальны, и распахнутые зубастые пасти готовы были вонзиться в тело догоняемого.

И тогда Один прогремел:

- Гери!!! Френки!!!

И голос его разнесся по всему Асгарду, и на мгновение, кажется, воцарилась тишина, словно все замерло, дожидаясь, пока исчезнет даже эхо голоса Отца Богов. А когда я опомнился от благоговейного ужаса, то увидел, что волки остановились, покорные, словно собаки, и тяжело дышат, но не смеют ступить ни шага.

Но Слейпнир, насмерть перепуганный, с ржанием неся галопом, и, казалось, не замечал ни того, что опасность миновала, ни собственного отца, который уже почти догнал его – конь бежал, и восемь быстрых, сильных ног с тяжелыми копытами взрывали землю.

Я понял, что сейчас произойдет, но не успел даже набрать воздуха в грудь – это случилось в несколько мгновений, но я увидел все.

Локи, догнав Слейпнира, обхватывает руками могучий, со вздувшимися венами, гребень коня, и неуклюже повисает на нем. И я слышу сдавленный вскрик кого-то из служанок, когда руки Локи сползают со вспотевшего тела лошади, и он тяжело валится на землю. И одно из моими же руками подкованных копыт вдавливают в землю кисть Локи, и мне чудится хруст ломающихся костей.

Локи издает жуткий вопль, который словно снимает оцепенение со всех присутствующих. - Задержать! – кричит Один, и Фрейр, а за ним самый крепкие из работников, каждый из которых в два раза шире в плечах, чем Локи, бросаются за Слейпниром. Остальные – к Локи.

Я оказываюсь около него первым, опускаюсь на землю перед ним, но я не узнаю бога огня.

Зубы его стиснуты, волосы – в комьях грязи, он открывает глаза, и смотрит куда-то сквозь меня, не узнавая из-за парализующей его боли. Лицо перекошено, огромная кровоточащая ссадина на нем, она вся в грязи.

И тогда я вижу, как он неповрежденной рукой прижимает к груди, баюкая, то безвольно повисшее, кровавое и раздробленное нечто, что было когда-то его кистью, прижимает сильно, делая себе еще больнее.

Я словно издалека слышу свой голос, я зову его по имени, и вдруг меня пронзает невыносимое желание забрать хотя бы часть его мучений себе, мне хочется, чтобы он потерял сознание и не чувствовал ничего, но одновременно я не могу смириться с тем, что он не узнает меня.

- Локи! – безотчетно беру его лицо в свои руки, смотрю в ничего не видящие глаза, покрасневшие от слез боли, и тогда я впервые в жизни замечаю, что они не серые. Они зеленые, светло-зеленые с прожилками.

Над нами нависает тень.

Это Слейпнир, пробежав еще несколько шагов, вернулся и теперь наклонил голову к Локи, беспокойно крутил ею, рыжая, никогда не стриженная грива волочилась по земле. Слейпнир не понимал, почему отец не встает. А тот, в первый и последний, наверное, раз в своей жизни, не обратил на него внимания.

- Эйр! – кричали те, кто уже успел увидеть, что произошло, - позовите Эйр!

- Слейпнира запереть у Хеймдалля! Локи отвести в чертог Эйр! – раздался над всеми голос Одина, но тут внезапно Локи посмотрел на меня с узнаванием и прошептал что-то, но я не слышал его.

- Что? Локи, что, что?! – я наклонился к нему, так близко, что слышал его дыхание, когда он, собирая, наверное, последние свои силы, проговорил, прежде чем потерять сознание:

- Не позволяй... Только ты можешь дотрагиваться до него.

Осознание

Ньерд бережно, как ребенка, и с такой же легкостью поднял бесчувственного Локи, чтобы отнести его к Эйр. Голова бога огня откинулась, как у набивной куклы, и мне противна была мысль о том, что его несут на руках, словно женщину, мне хотелось, чтобы он очнулся, чтобы пошел сам, оттолкнув столпившихся и галдящих людей.

- Тебе нужна помощь?

- Ч-что? – я моргнул, обернулся на Тюра, а когда снова взглянул в ту сторону, куда ушел со своей ношей Ньерд, его уже скрыла от меня озабоченно бормочущая толпа.

- Помочь тебе с конем? – брат обеспокоенно глядел на меня, и я догадывался, что вид у меня наверняка неважный, - ты бледен.

- Я справлюсь, спасибо, - кивнул я, и Тюр, ободряюще сжав мое плечо, кивнул на прощание и отправился во дворец следом за остальными Асами, Ванами и слугами. Я проводил взглядом его широкую спину, проследил за тяжелой походкой.

«Он не держит на Локи зла» - подумал я, в сотый или тысячный раз восхищаясь своим братом. В детстве я завидовал Тюру, я пытался быть похожим на него, но в детских драках он раз за разом побеждал меня, он всегда был сильнее, пронзительнее, ловчее, но Один отчего-то любил его меньше, и это замечали все, и я сам в том числе. Но что, если Мьелльнир достался бы ему?

Слейпнир фыркнул, привлекая мое внимание.

Было безоблачно, и в свете полной луны конь казался пришельцем из самого Хельхейма. Длинная грива, такая же спутанная и рыжая, как волосы его отца, вороной окрас – невиданное сочетание, немислимое для обычной лошади. Слейпнир дышал ровно и не двигался, словно восемь сильных, жилистых ног вросли в землю, как восемь каменных менгиров. Мне не хотелось касаться его залитого лунным светом тела, а он смотрел на меня черными и глубокими, как трясина, глазами, умными, не по-звериному умными, словно понимал, о чем я думаю.

- Ты видел, что сделал с ним? – прошептал я, преодолевая внезапный и непостижимый разумом страх, на секунду охвативший меня от этого взгляда.

Слейпнир не шевельнулся и, не отвел взгляда, это поразило, ибо все животные созданы бояться людей и отводить глаза, стоит человеку, пусть даже самому слабому и ничтожному, заглянуть в них.

Он словно понимал, что весь переполох, все крики страха – из-за него. Что это по его вине Асгард не спит этой ночью, а это случилось на моей памяти меньше раз, чем у этого проклятого коня ног.

- Что же ты за тварь такая? – я приблизился к нему почти вплотную, и тогда Слейпнир, наконец, опустил голову, и мгновенно превратился из брата чудовища Фенрира и владычицы мертвых Хель в испуганного жеребенка. И с меня спало это жуткое наваждение, и мелкая дрожь, сотрясавшая, словно озноб, тело от его пронзительного взгляда, утихла.

- Идем, - сказал я ему, - Локи хотел, чтобы я отвел тебя к Хеймдаллю.

Я не поворачивался к нему спиной, стараясь держаться рядом с конем, и, несмотря на то, что глаза его потеряли всякое выражение, как у любого животного, я испытал облегчение, когда Хеймдалль закрыл, наконец, двери конюшни. Не в пример моей, она запиралась на тяжелый металлический засов, так что выломать ее не под силу было бы, кажется, самим силам Хельхейма.

- Желаете пропустить по кружечке? – с дружелюбной улыбкой обратился ко мне Страж. И я с благодарностью принял предложение, чувствуя, что кружка доброй, крепкой Хеймдаллевой медовухи – как раз то, что необходимо мне после этой ночи. Медовуха не смягчала пересохшее горло, и я пил и пил, пока не перестал ощущать хмель, пока не ощутил сладостный, давно желанный туман в голове, пока не напился пьяным. В маленьком одиноком доме Хеймдалля было натоплено и сухо, у ног вился рыжий кот, умильно мурлыкал.

За окном были звезды, одни только звезды, неподвижные, заполонившие собою весь небосвод – домик стоял на самом краю Асграда, за стенами его, на расстоянии шага, был обрыв такой глубины, что даже при дневном свете разглядеть корни Игдрассиля было невозможно. Сейчас же Асгард казался оторванным от Девяти Миров, замершим в безветрии, царившем меж ветвей Древа мирового. Все было серебряным от лунного света, и даже Биврест прибрал свои краски, чтобы вновь засветиться ими с первыми лучами поклажи Суль.

Но это будет через несколько часов.

Хеймдалль сидел напротив меня и молчал, а я, напротив, сделался говорлив, словно Сив, я стучал, кажется, по тяжелому дубовому столу, я повышал голос, я говорил непрерывно, но мне не становилось легче. В отличие от жены, я повторял одни и те же слова, я помню это, я не был в беспамятстве, но мне не хотелось замолкать, ибо я знал, что все, сказанное этой ночью, останется между мною и Стражем.

Память вновь и вновь выбрасывала на берега сознания, словно река выбрасывает утопших, картины этой ночи, и они были так же страшны для моего разума, как лица утопленников. И я говорил, чтобы избавиться от них. Я мог только говорить.

Я снова и снова вспоминал Локи. Вспоминал окровавленную тряпицу, которой замотали его изуродованную руку и то, как он очнулся от боли и вскрикнул, словно агонизирующее животное, когда повязку наматывали на выступающие раздробленные кости. Как снова потерял сознание, как Ньерд поднял его, как раскачивались в такт Ньердовым шагам спутанные и грязные рыжие космы.

- Даже представить не могу, что там за боль. Мне ломали кости, конечно, не раз, знаешь же, но их восстанавливала простая магия, и мгновенно, это же всего лишь переломы, - говорил я, - магия, да такая простая, что даже я могу с ней справиться. Хоть и ненавижу магию, сам знаешь...

- Эйр вылечит его. Она не исцеляет только мертвых, - ободряюще улыбался Хеймдалль.

Я слышал его, но я слишком хорошо разбирался в ранах и знал боль от многих из них, знал, что раздробленные на мелкие осколки кости простая магия не восстанавливала. Я верил Эйр, она не раз вытягивала меня из когтей Хель, которая уже гоготала мне в лицо, но Локи далеко не так силен, как другие боги. Став калекой, он лишится возможности колдовать, ибо маг может быть глух и слеп, но руки его – для него оружие, как меч для воителя. Локи лишится разума без своей магии, не вынесет бездействия.

Я закрывал глаза и видел его лицо. Даже искаженное гримасой боли, оно казалось мне квинтэссенцией всего того, до чего жадно было мое сердце всю вечность.

- Хеймдалль, - говорил я, и Страж внимательно и спокойно смотрел мне в глаза, казался понимающим и подкупающе мудрым, - знаешь, никогда не думал об этом, а ведь он красив. Неважно, что у него все лицо было в грязи и крови было... Он красив.

- Это так, но почему ты вообще думаешь об этом? – негромко спросил Страж, безбородое его лицо, освещенное тускло мерцающей лучиной, ничего не выражало.

- Я не знаю, Хеймдалль, - я мотал головой, и лицо друга расплывалось, и я закрывал глаза, но головокружение не прекращалось, словно весь Мир крутился под ногами, как бешеный пес, - ты знал, что глаза у него не бесцветные? Зеленые, вот как у тебя, нет, даже нет, других таких я не видел, клянусь своим Мьелльниром, не видел прежде... И тогда я почувствовал, что сознание заволакивает дымкой, что язык и губы не слушаются, слова путаются, образуют уже нелепицу вместо смысла. Я засыпал. Возвращаясь поутру домой, я пытался насладиться тишиной рассвета, но слишком сказывались последствия выпитой медовухи – я еле передвигал ноги и думал только о том, что хочу, наконец, вернуться обратно в постель и самым беззаботным образом проспять до полудня. Было зябко. Сильное желание умыться и гудящая голова не давали мне возможности много думать о Локи.

О верности и врачевании

Прошло несколько дней, прежде чем его выпустили из лазарета.

Несколько дней, в течение которых Один был угрюм, и весь Асгард, перенимая его настроение, помрачнел, умерили огонь ярко и задорно горящие факелы, и даже шаги наши в коридорах и на лестницах были неслышными, мягкими, кошачьими, словно замок затаился, нахмурил брови, вынашивая тяжелую думу.

На исходе четвертого дня я задумал навестить Локи, чтобы сообщить ему, как дела у Слейпнира. По правде говоря, рассказывать мне было нечего – я, разумеется, не видел коня с той злополучной ночи, но, даже будучи в силах признаться в своем желании увидеть Локи самому себе, я никак не мог допустить, чтобы о нем узнали другие. Повод был выдуман, соткан из воздуха, и после завтрака (в напряженной тишине, по правую руку от молчащего, хмурого Одина, то и дело косившегося на пустое место своего побратима) я направился к чертогу Эйр.

Он располагался в одной из восточных башен, и я уже предвкушал, как взойду по винтовой лестнице и буду вознагражден солнечным светом, ободряюще заливающим комнаты больных и раненых в это время дня. Но у двери, скрывающей лестницу с мелкими ступеньками – созданную для женских ножек – дежурили служанки Эйр, которые преградили мне путь. Похожие (очевидно, сестры), с одинаковым тугими косами, румяные, но строгие, хоть и совсем девочки.

- Нет, сударь, хозяйка не изволят пускать посетителей.

- Что за дурь! – возмутился я, - я же не какой-то бродяга, или вы...

- Мы знаем, сударь, кто вы, - спокойно ответила девушка постарше, - но нам велено никого не пропускать.

Чтобы какие-то девицы мне приказывали! Но, в самом деле, не силой же мне их отталкивать? Спорить было глупо, развернуться и уйти – тоже, и я стоял в замешательстве, пока дверь за спинами девушек не отворилась, и они, обернувшись, не проводили поклонами вышедшую в коридор женщину.

- Доброе утро, Сигюн! – я давно не видел ее.

Жена Локи подняла голову и как-то подслеповато заморгала, словно не узнала меня, но это продолжалось лишь мгновение, а потом она приветливо, хоть и сдержанно улыбнулась и чуть склонила голову в ответном приветствии.

- Выглядишь уставшей, - заметил я, и тут же понял, как невежливо это звучит, - извини, я не хотел этого...

Она махнула рукой:

- Я сама понимаю, не извиняйся. Что, не пускают? – кивнула на служанок, которые словно не обращали на нас внимания.

- Не пускают.

- Это Эйр велела, - Сигюн подошла ко мне, по-сестрински взяла под руку, и мы медленно и тихо пошли обратно. Тишину восточных башен замок охранял особенно ревностно, заглушая любые громкие шаги, разговоры, которые звучали здесь. Асгард стерег покой своих больных.

Я предложил Сигюн немного прогуляться по саду, и она согласилась, отмечая, что свежий воздух ей не повредит. Она была права – лицо ее, и так обычно бледное, с бескровными тонкими губами, матовой кожей – подурнело, потеряло благородный цвет

от нескольких бессонных ночей у постели мужа. Впрочем, платье ее было все так же аккуратно, волосы ее, гладкие, черные, как вороново крыло – все так же убраны волосок к волоску. Сив всегда раздражалась этими старательно заплетенными волосами, гордой осанкой, считая Сигюн чопорной и заносчивой, и язвительно отзывалась о ее невыразительной, несколько нескладной фигуре. Но я не слушал женины глупости, понимая, что корень их – зависть к пронизательному, неженскому уму Сигюн и ее острому языку, который помогал воительнице затыкать за пояс многих мужчин. Она заговорила, только когда мы скрылись между деревьями. Впрочем, сложно уже было стать незаметным для посторонних глаз в этом облетевшем, холодном саду, но и голые стволы и ветки давали чувство защищенности, уюта.

- Хотел навестить Локи?

- Да. Как он там?

- Лучше, - Сигюн рассеяно поддела носком башмака опавший лист, и это простое движение показалось странным, - гораздо лучше.

- Вылечили? Заживили? Кости-то?

Сигюн никогда не отличалась разговорчивостью, и я, в общении с Сив не привыкший вытягивать, словно рыбу из воды, слово за словом, чувствовал себя неловко.

- Все срослось. Эйр – великая, великая целительница, да даруют ей Норны все милости судьбы. Она сказала, что уже лечила такие... раны. Но колдовала несколько часов, я никогда и не слышала таких заклятий. Ну, ты ведь знаешь, я немного разбираюсь во врачевании...

- Немного! – воскликнул я, - да ты знаешь чуть ли не больше самой Эйр!

- С каких это пор ты записался в льстецы, Тор? – засмеялась Сигюн.

Но я видел, что ей приятны мои слова, ибо воительница знала, что заслуживает их.

- Так вот... Первую ночь и утро она только сращивала кости, он, бедолага, все это время был без сознания, я все не понимала, почему, а Эйр объяснила, мол, сильно ушибся головой. Потом она оставила нас и сказала, что кости целы теперь, и что она пойдет и поспит немного... Тебе интересно?

- Конечно.. Извини, я просто представить пытаюсь это все.

- Не стоит, - она покачала головой, - приятного мало, это точно. Каждый из этих... осколков же должен встать на свое место, понимаешь. Много крови было, и я следила, чтобы ее не слишком много вышло. С такой-то магией я справляюсь, но держать заклятия несколько часов так трудно.

Мы помолчали. Я никогда не обладал богатым воображением, но рассказ Сигюн, пусть и поведенный тихим, размеренным, как движение облаков, голосом, в спокойном, безветренном, повисшем в прозрачном от первых заморозков воздухе саду, произвел сильное впечатление. Собственные раны никогда не пугали меня, меня воспитывали воином, меня заставляли не обращать внимания на боль и не бояться ни ее, ни страха, ни крови и сломанных костей, ни смерти. Но чужие – дело другое.

- Локи, конечно, не девчонка, - непонятно зачем сказал я, и Сигюн удивленно посмотрела на меня.

- Что? Что ты имеешь в виду?

Узкие, обычно покрашенные сажей брови чуть приподнялись недоверчиво, Сигюн, казалось, готова была отразить любые нападки в адрес мужа.

- Я имею в виду, что он мужчина. Он не воин, ты сама это понимаешь, но он мужчина, а

раны для мужчины...Ну, это нормально, ничего тут такого нет.

- Ты, Тор, думаешь, что руки для мага – это так, ерунда?

- Нет, я знаю, что...

- Вот и не надо говорить глупостей, - покачала она головой, но я понимал, что резкость ее вызвана была скорее усталостью, чем действительным раздражением.

Я попросил прощения, и она кивнула. Честно говоря, я всегда опасался разговоров с Сигюн – мы никогда не были близкими друзьями, да и слишком уж она была умна и остра на язык с теми, кто чем-то не нравился ей. Такой была она с Сив.

Я пожалел о сказанном. Как будто Сигюн хуже меня знала о боевых навыках мужа! Впрочем, Локи стоило отдать должное – он не был совсем из рук вон непутевым воином, бог огня умело и ловко управлялся с боевым луком и в этом деле превосходил многих Асов и Ванов. Но общеизвестно, что воина определяет умение владеть мечом, а Локи, обладая, разумеется, некоторыми навыками, в обращении с такого вида оружием не был особенно силен.

- Расскажи, пожалуйста, дальше, - попросил я.

- Она спала до самой ночи. Я понимаю, что она невероятно устала, но я, честно скажу, - Сигюн немного понизила голос, - даже рассердилась на нее. А потом Локи очнулся.

- Правда? – обрадовался я, и она улыбнулась моей несдержанности.

- Да. Мы даже немного поговорили. Он спросил про этого коня...

При упоминании о Слейпнире женщина мотнула головой и чуть сжала губы, но больше ничем не выдала своего мнения по поводу сына Локи и вскоре продолжила.

- Я сказала, что ты его отвел к Хеймдаллю.

Меня так и подмывало спросить, не говорил ли Локи обо мне, но я понимал, что проницательная Сигюн догадается даже о тех вещах, в которых я сам себе пока не мог признаться, и промолчал, а сама она больше не добавила ничего.

Зато Сигюн рассказала, что потом Локи уснул и она тоже немного поспала, а Эйр занялась мышцами пострадавшего. Они оказались повреждены, когда раздробленные кости соединялись по велению заклинаний заново, и теперь, возможно, рука станет слушаться хуже. Ведь известно, что при повреждениях мышц, особенно при их разрывах, иногда случается что-то вроде небольшого паралича, и неясно, почему так происходит.

- Но сейчас она уже закончила и с мышцами. Завтра, кстати, обещала его отпустить.

Я проводил Сигюн до ее покоев, попрощался и пожелал хорошо отдохнуть, а она в ответ вежливо поблагодарила за прогулку и беседу, и мы расстались, вполне довольные друг другом.

Нежданные гости

По выздоровлении Локи зачастил на пиры в Вальхалле. Ему были рады, его истории всегда пользовались популярностью, а в последние дни он и вовсе стал всеобщим любимцем. Распоротая щека его зажила, рана напоминала о себе только небольшим шрамом, которых у Локи было немного и которыми он, как мне казалось, гордился. Повязку с руки ему накануне разрешили снять, и сейчас за столом Локи с видимым удовольствием рассказывал своему соседу историю своих злоключений. Соседом был молодой воин, совсем мальчишка, почти как Тьяльви – с такой же пшеничной челкой и наивным взглядом. Я услышал, как Локи зовет его по имени – Бьерн – и почему-то это меня рассердило. Мальчишка слушал с интересом, восхищенно и даже, кажется, завистливо разглядывая кисть бога огня. Та была вся испещрена шрамами и рубцами в тех местах, где кости его прорвали кожу, и по сравнению с кистью его правой руки, такой же узкой и длиннопалой, но с ровной и гладкой кожей – казалась уродливой. Да, магия Эйр сумела восстановить кости, срастить заново мышцы и кожу, а морфий и мази – облегчить боль, но против шрамов и рубцов заклятий не было.

Один с улыбкой смотрел на побратима, он повеселел, когда узнал, что Локи выздоравливает, и стены Вальхаллы сияли серебром, а Валькирии казались даже более приветливыми, чем обычно.

Ни разу с того времени, как Локи отпустили из лазарета – а прошло уже две недели – мы не говорили с ним один на один, и сейчас вид его, радостно беседующего со смазливym отроком, его сияющее самодовольством лицо вызывало тоску неясной природы. Я ожидал, что он тоже ощутит в ту ночь что-то подобное тому, что почувствовал я, услышав его слабое дыхание у своей шеи, когда он шептал свою просьбу. Я ожидал, что он будет смотреть иначе, не будет скользить взглядом зеленых глаз равнодушно. Я не принимал во внимание то, что он мог и не помнить всех подробностей тех страшных минут; и то, что на моем месте мог оказаться кто-то другой, и слова Локи тогда адресовались бы другому. Мысли эти были невыносимы, ибо за то время, что бог огня был в опасности, я окончательно уверился в том, что испытываю к нему странную привязанность, мало похожую на ту, что испытывал я к Сив, к отцу, к друзьям. Я знал, кто был тот призрак, что являлся ко мне во снах.

Локи наклонился к своему собеседнику и прошептал что-то на ухо, а тот засмеялся. Я отвел глаза.

Когда закончился пир, Один вдруг сказал что-то Локи, тот пожал плечами, и оба попрощались со мной и быстро пошли к выходу.

Это было необычно. Обождав некоторое время, я встал со своего места и отправился следом, снedaемый любопытством. Покинув Вальхаллу, увидел их спины в самом конце нефа. Скрываясь в тени колонн, как преступник, я тихо последовал за побратимами, крался за ними несколько пролетов и коридоров, и так дошел до главного балкона, куда вышли оба бога. Я вынужден был остаться в коридоре и скрыться за одной из колонн, чтобы не быть замеченным. Я шкурой чувствовал, что разговор их обещает быть интересным, хотя и не мог объяснить причину такого предчувствия.

Впрочем, я быстро понял, что не слышу и половины их беседы. Сначала заговорил Один, и его хрипловатый бас с моего места казался нечленораздельным монотонным бурчанием, однако я все же сумел разобрать, что разговор идет о Слейпнире. Локи ответил что-то резко и коротко. Всеотец снова монотонно и тихо забасил, и тут его

собеседник повысил голос настолько, что я сумел хорошо слышать его слова:

- Нет, я еще раз говорю, он не опасен!

- Ты что, не видишь, что он сделал с тобой? Им нужно заниматься, это не простой конь. Ему нужна строгая рука и жесткое обращение, иначе он станет неуправляем. Где это видано, чтобы кони громили конюшни?

- Просто она у Тора хлипкая, как кости у покойника, - парировал Локи.

- Нужно найти человека, который его объездит. Это не шутки. Он может быть полезен, только если его воспитать должным образом.

- А тебе все польза да польза! – Локи перешел на крик, - Да чего тебе еще надо?! Все тихо и мирно в Асгарде, никто на нас не нападет, словно Асгард – какая-нибудь старая дева, у которой манда паутиной заросла!

- Хватит орать, - Один, кажется, тоже терял самообладание, - как девица, в самом...

- Нас подслушивают, - оборвал его Локи.

Я сильнее вжался в колонну, стараясь даже не дышать, но это не помогло. Я услышал шаги, а потом ко мне подошел Локи и, сложив на груди руки, кивнул: «Чего тут делаешь?».

- Это Тор, - сообщил бог огня и я, пристыженный, как мальчишка, пойманный за воровством яблок, вышел из укрытия.

На наше с Локи удивление, Всеотец не рассердился, чем, кажется, несколько огорчил своего побратима. Напротив, отец поманил меня рукой:

- Присоединяйся, Тор.

Я подошел.

На балконе было морозно, безветренно и легко дышалось. Ночной воздух был совсем прозрачным, ярко сиял рожок-полумесяц. Скоро будет снег.

- Ты, верно, слышал, что я говорил, - начал Один, - я как раз объяснял Локи, что за Слейпнира нужно взяться.

- Так Фрейра надо просить, - с готовностью включился я в беседу.

- Видишь ли, - мягко возразил Один, не обращая внимания на возводящего глаза к небу Локи, - он не подпускает к себе никого. К нему даже Хеймдалль, и тот не может подойти.

- И нечего, - вставил свое бог огня, - Хеймдалль...

- Прекрасный воин и наш друг, - тихо, но не терпящим возражений тоном закончил Один, памятуя о взаимной неприязни Стража и бога огня.

Локи фыркнул, но не посмел возражать Всеотцу, руки его по-прежнему были сложены на груди и он явно пытался напустить на себя скучающий вид, что ему удавалось плохо.

- Так и что я могу сделать? – спросил я.

- Да тебя он подпускает, - опять не удержался Локи, - Хель его разберет, но тебя вообще не боится, ну, ты же видел. Больше никого так, ясно тебе? И Один хочет, чтобы ты его оседлал и все прочее. Моего Слейпнира! Оседлать! Жеребенка! Да у вас, Асы, обоих вместе взятых мозгов меньше, чем у одной куропатки!

- Как думаешь, почему он подпускает меня? – спросил я, и маг вдруг перестал воздевать руки к небесам и посмотрел мне в глаза. Его собственные, с расширившимися в темноте зрачками, с рыжими ресницами, казались не зелеными, но черными, как сам небосвод. И они были прекрасны.

- Я не знаю, - голос его не дрогнул, но Локи вдруг отвел глаза, - доверяет. Знает, что не причинишь ему вреда. Что будешь заботиться.

Он выдыхал каждое предложение с усилием, словно ему тяжело было говорить, словно мешала какая-то внутренняя преграда или установка, словно он говорил и вовсе не о Слейпнире. Или мне только казалось это? Я уже не знал, что думать о Локи. В каждом его жесте и слове я видел, я желал видеть отражение своего собственного жадного, неконтролируемого чувства.

Ночь пронзил вороний крик, ему отвечал еще один, и Всеотец подошел к бордюру балкона, узнав своих помощников, протянул им руки. Хугин и Мунин уселись и закаркали наперебой, Мудрейший несколько секунд внимал их голосам, а затем кивнул, и птицы растворились в ночи так же быстро, как появились.

Отец обернулся, и взгляд его испугал меня.

- Хеймдалль пропал.

Локи издал тихий стон, и Один добавил, подтверждая страхи своего побратима:

- Конюшни тоже пусты. Хугин и Мунин видели великанов, и они не таились. Они шли на Асгард.

Асы и Ваны собирались на открытой галерее окружной стены. Тихо, но быстро приходили по одному, по двое, не говорили громко, чтобы не заглушать короткие приказы и вопросы Одина, переговаривались шепотом или обменивались кивками. Мы плохо понимали, к чему именно готовимся и для чего берем в руки оружие – нами двигало желание устроить врага, который, все еще незаметный, медленно приближался к Асгарду. Стены замка словно стали прочнее, камень крепче оперся о камень, знамена взметнулись и заколыхались, хотя стояло безветрие.

Всеотец, в полном боевом облачении, сам объяснял вновь прибывшим, что произошло. Никто не округлял глаза, не пугался, не задавал вопросов. То больше не были домочадцы, еще несколько дней назад делавшие заготовки на зиму, а несколько часов назад – мирно спавшие в своих постелях. То были воины, и я любил жесткий, уверенный и спокойный взгляд каждого из них.

Локи стоял, облокотившись о зубец башни, и вглядывался куда-то за горизонт – туда, где при свете дня можно было разглядеть Биврест. Я не решался подойти, и я не был уверен, что он желал бы этого. Но вдруг я почувствовал, как меня тронули за плечо, обернулся и увидел Мудрейшего. Владыка Асгарда наклонился ко мне и тихо, на грани слышимости, проговорил:

- Следи за Локи. Если тебе покажется, что он пытается сбежать, я разрешаю применить силу.

Изумленный, я открыл было рот, чтобы попросить объяснений, но вовремя вспомнил, что сейчас не время для вопросов.

- Да, Всеотец.

А тот уже подошел к своим воронам и отдал им приказ. Птицы бесшумно и быстро, словно молнии, взлетели, держа путь к Бивресту.

Один проводил их взглядом, и моего слуха коснулись его негромкие, но с потаенной болью произнесенные слова:

«мне за Хугина страшно,
страшней за Мунина, —
вернутся ли вороны!»

В толпе была и Сигюн. Она стояла бок о бок с Сив, обе забыли на время свои ссоры.

Жена сдержанно кивнула мне, а Сигюн, получив от мальчика-оруженосца лук, подошла к Локи и передала ему оружие. Тот рассеяно сжал лук, неловко взвалил на плечо колчан, и вдруг показался мне чуждым происходящему. Муж и жена не обменялись ни словом, но я знал, что существовавшая между ними связь попросту не нуждается в громогласности.

- Летят! – крикнул Бальдр, и Фригг шикнула на юношу, в силу возбуждения и молодости не умевшего держать строй.

Но голос его словно дал добро перешептываниям, все указывали на горизонт и две приближающиеся точки, которые через несколько мгновений приобрели очертания двух гигантских птиц.

Хугин и Мунин, усевшись на руках хозяина, возбужденно закаркали, и все мы, даже не понимая их языка, слышали: «Идут! Идут!».

Из-за горизонта сполохом взлетела в небеса колесница Суль, переливающаяся золотом, слепящая глаза после обессиливающей тьмы, и теплые, алые лучи растекались плавным железом от горизонта по небесам и земной тверди. И словно по команде, показались враги.

- Вот они! – неожиданно ясным голосом сказал Локи, все это время всматривавшийся в горизонт. Бог огня был напряжен, как натянутая тетива, и, даже не видя его лица, я готов был поклясться, что на нем застыло выражение возбуждения и злобы.

- Держать строй. Не начинать атаку. Говорить буду я, - прорычал Один, выходя вперед. Хугин и Мунин расположились на зубьях башни, и я сделал несколько шагов, а за мной, в едином порыве – все Асы и Ваны, но мы не посмели вставать в один ряд с Мудрейшим. Только Локи не сдвинулся с места, и побратимы стояли плечом к плечу, словно равные, пока все пришельцы не расположились у стены. Их было не более сотни, и они были почти безоружны. Стало быть, пришли на переговоры?

С каждой минутой становилось все светлее, и солнце освещало уродливые тела великанов, делая все изъяны их каменистых лиц еще более заметными и омерзительными. Враги, кажется, меньше нашего готовились к встрече, не стремились придать своей армии хоть какую-то стройность, порядок или хоть как-то утешить нас. На мгновение я подумал, что, будь у йотунов хоть немного больше мозгов, они попусту насмехались бы над нашим боевым строем и серьезным видом. Но шальная мысль исчезла так же быстро, как появилась, и тогда Один, выдержав паузу, заговорил:

- Кто вы и как смеете нарушать покой Асгарда?

Голос его разлился по всем девяти мирам, и каждый житель его, кто был на стороне Асов и света, ощутил подъем, прилив сил и свирепой бодрости, вздохнул глубже.

Когда секундная эйфория отпустила меня, я, воспользовавшись замешательством великанов, оглядел их свору.

Все они были ошарашены могуществом голоса Одина, но уже пришли в себя и снова начали кто гнусно гоготать, кто чесаться, а кто поигрывать оружием. Они были глупы, но они же были и бесстрашны, и они были сильны своею свирепостью. Ни Хеймдалля, ни Слейпнира с ними не было. Я взглянул на Локи и понял, что он, видимо, тоже заметил это, и выражение злобы и готовности к бою на его лице сменилось замешательством.

- Отвечайте, когда с вами говорит Один, Всеотец! – прогремел Мудрейший.

И тогда один из великанов – очевидно, главарь шайки, вытирая вздернутый, покрытый бородавками нос, сделал шаг вперед и, задрвав голову, завопил:

- Эй, Один, а знаешь, кто у нас?

Голос его был звуком схода ледяных глыб. Йотуны загоготали и заулюлюкали, и

казалось, сами бури Йотунхейма насмеваются над Асами.

- У нас ваш Страж! И парочку коней прихватили, да не простых! – гнусавил вожак под одобрительные вопли своих уродливых, один другого омерзительнее, братьев.

- Кто ты и чего хочешь? – продолжил Один, и ничто в его голосе и лице не дрогнуло.

- Мое имя Хросстьов*, я брат великана Гримтурсена. Помните такого? Вот он помнит! И коня его помнит, а? Помнишь, рыжий? – и один из толстых, мозолистых пальцев указал на Локи.

Все взгляды обратились к богу огня. Лицо того было бесстрастно, плечи – гордо расправлены, и он громким, но спокойным голосом ответил:

- Я помню твоего брата, Хросстьов. Чего тебе нужно? Как посмел ты трогать наших людей и животных?

- Все вернем, - йотун, казалось, чуть только не приплясывал от удовольствия – видимо, все шло по его нехитрому плану, - все вернем. В обмен, в обмен.

- Что вам нужно, йотуны? – спросил Один, и из толпы асгардцев донеслись неслышные врагу шепотки «Он будет торговаться?» «Почему нам просто не прикончить их всех?», и я разделял их чувства. Мьелльнир дрожал в моих руках, жаждал обрушиться на каменные головы великанов, отмстить за нанесенное оскорбление.

И теперь уже сотня обрубков-пальцев, волосатых, узловатых, указывает на Локи, и скрипучие, как старое дерево, чмокающие, как болотная трясина, гнусные голоса на все лады вопят: «Его! Его!».

Хросстьов оборвал приспешников грубым воплем и уставился своими мутными, косыми глазами на Одина, ухмылкой обнажая гниловатые зубы.

- Зачем вам нужен Локи? И почему вы думаете, что мы согласимся на ваши условия? «Почему он вообще разговаривает с ними?! Только прикажи, отец, я разорву их на куски!»

- Зачем он нам нужен, - сальная ухмылка стала шире, - решать нам. Соглашайтесь по хорошему, Асы, потому что я знаю, как сооружена стена. И я знаю все тайные ходы, что оставил здесь мой брат. Я проберусь в ваш замок за несколько минут, я убью ваших мужчин, я возьму ваших женщин. Йотуны будут править в Вальхалле и пировать там денно и ночью!

Новый поток гадких, сотрясающих воздух возгласов на йотунхеймском наречии, улюлюканий.

Я покосился на Локи. Лицо его было бесстрастно, словно и не о нем и не о сыне его шла речь, и я восхитился таким самообладанием. Локи на миг показался сильнее всех нас, ошарашенных столь дерзким и унижительным предложением.

Хросстьов, очевидно, наслаждаясь нашим замешательством, выдержал паузу, а потом произнес:

- Я даю вам три дня, Асы. На закате третьего мы придем сюда снова и, если вы выдадите нам бога огня, связанного и безоружного, и не вздумаете выкинуть что-нибудь, вы получите обратно своих коней и своего Стража. Мы заключим мир на взаимовыгодных условиях, и больше никогда мы не побеспокоим Асград. Локи останется у нас. Но если нет... Мы убьем их прямо у этой самой стены, а затем разрушим и ее, и весь Асгард падет! Я, Я, Хросстьов из Йотунхейма, начну Рагнерек!

Взрыв одобрительных воплей, свист.

- До встречи через три дня, Один!

И йотуны ушли в сторону горизонта.

Нам понадобилось несколько мгновений, чтобы оправиться от случившегося, и я был первым, кто кинулся к отцу:

- Почему ты не приказал уничтожить их всех прямо сейчас?! Только скажи, и я разможжу им головы, верну Хеймдалля! Почему мы не напали?!

- Один, почему?!

- Зачем ты потакаешь им, мы же Асы, а не какие-то там кошки драные, чтобы слушаться великанов!

- Мы не отдадим им Локи! – голос Сив.

Один оглядел всех, а потом единственный глаз округлился и он крикнул, указывая куда-то за мою спину:

- Локи! Тор, держи его!

Я обернулся и увидел, что на том месте, где только что стоял бог огня – рыжий сокол, расправляющий крылья.

Я не успел подумать, что делаю, и Мьльнир, брошенный мной, едва не раздробил птице череп. Сокол, уже было взлетевший, шарахнулся в сторону от тяжелого молота, потерял равновесие, повалился обратно на камни галереи, и я накинулся на него сверху. Еще секунду подо мною трепыхалась кучка перьев, и острые когти раздирали шею, а потом Локи принял свой обычный облик.

- Пусти! – орал он не своим голосом, - пусти, я сам к ним пойду!

- Никуда ты не пойдешь! – прошипел я в его красное от злости и натуги лицо, я был сильнее, но Локи сопротивлялся, вился ужом и дрался, как загнанное в угол животное, и удержать его было непросто.

На миг потемнело в глазах, когда он ударил меня в челюсть, но я успел оправиться от удара прежде, чем Локи сумел вырваться, завел его руки за голову, придавив их к камням. Локи рычал от обиды и злости, но он уже не мог сопротивляться. Не найдя, очевидно, другого выхода обуревавшим его чувствам, он плюнул мне в лицо.

Я рассвирепел, но нас вовремя растащили, иначе, клянусь, я убил бы его.

- Чтоб ты сдох, Аса-Тор! – вопил Локи, мечущийся в руках подоспевших на подмогу Ньерда и Видара, - если они тронут Слейпнира, клянусь, я убью тебя!

Один подошел, и Локи умолк. Волосы его прилипли ко вспотевшему лбу, он тяжело дышал, глаза его были глазами безумца, он был неузнаваем.

- Один, да хоть ты послушай! Они же убьют и его, и вообще всех! Пустите! – шипел он, как гадюка, на державших его Асов, - Пустите, скоты!

- Локи, замолчи, - прогрохотал Всеотец, - я не отдам им тебя. Тор, подойди.

Я послушно сделал шаг, отирая кровь с разбитой Локи губы.

Один снял свой кожаный пояс, взял его обеими руками, закрыл единственный глаз, и губы его словно сами собой зашептали существовавшие с сотворения мира заклатья. Все, даже Локи, замерли, ощутив благоговейный ужас перед магией Мудрейшего.

Когда Всеотец закончил, один конец пояса был привязан к запястью Локи, другой – к моему.

- Тор проследит, чтобы ты не сбежал.

Локи фыркнул.

- Его невозможно разорвать, - Один посмотрел на меня.

Мы с Локи переглянулись, недоумевая, зачем это Всеотцу привязывать нас друг к другу.

- Сжечь, - он посмотрел на Локи, - и вообще повредить любым известным способом.

Кроме того, Локи, он ограничивает твою магию – кроме, разумеется, магии огня. Асы одобрительно закивали, но я тогда не понимал, насколько тонко и хорошо Всеотец продумал свой план. Привяжи он Локи, к примеру, к стене, тот хоть зубами бы ее сгрыз, но удрал. Убить и нанести ощутимый вред мне ему без магии просто не хватит сил. Мы оба понимали это, и во взгляде, который бросил на меня бог огня, сквозило отчаяние. - Прости меня, Локи, - тихо сказал Один, - Ты вынудил меня. Я не могу отдать тебя йотунам, брат.

Примечание:

имя Хросстьов переводится как "конокрад"

И небольшая заметка от автора: У меня небольшой творческий кризис и переоценка ценностей, не знаю, когда продолжение будет. Извините те немногие, кто читает это

Змий

*Ты прекрасней, чем демон змий, но так же лжив.
(Дж. Байрон)*

Один отобрал самых мудрых из Асов и удалился с ними в свой чертог, чтобы устроить совет. В любой другой ситуации он непременно попросил бы помощи и у Локи, но тот уже слишком ясно обозначил свою позицию.

Перед тем, как покинуть галерею вместе с остальными, Сигюн подошла к Локи и пожала его руку. Я отвернулся, чтобы дать супругам хоть немного уединения, но, конечно, все равно слышал их разговор.

- Я буду представлять твои интересы, - тихо сказала Сигюн, - все будет хорошо.

- Спасибо. Он совсем спятил с ума, - бормотал Локи, - они разрушат весь Асград, не оставят тут камня на камне, я сам к ним пойду, сам, только пусть отпустят Слейпнира...

Краем глаза я заметил, что воительница не пылко, но крепко обняла мужа и погладила его по волосам, как ребенка. Тот стоял несколько мгновений неподвижно, а потом отпустил ее и кивнул. Лицо его снова стало непроницаемо.

Только сейчас я понял, почему их отношения всегда казались мне странным – Локи и Сигюн больше напоминали брата и сестру, чем супругов. Любовь их была больше похожа на взаимоуважение и дружбу, и даже их объятия были братскими.

- Мне пора идти.

- Я доверяюсь тебе, - Локи в последний раз крепко пожал ее руку, Сигюн ушла, и на стене остались только мы двое.

Неизвестно когда успевший подняться ветер здесь беспрепятственно обнимал нас ледяными руками, но мне казалось невыносимой одна только мысль о том, чтобы оказаться под крышей и прохладиться, пока мой друг был похищен врагами, что расположились у подножья моего дома, словно проказа на теле. Не стоило даже думать о том, чтобы идти против воли Одина, но бездействие от этого не становилось менее тягостным. Взглянув на Локи, я подумал, что он испытывает, должно быть, что-то подобное.

- Ты хочешь спать?

Локи посмотрел на меня невидящим взглядом и покачал головой:

- Я думать не могу о том, чтобы оставаться в замке. Если я срочно не займусь чем-то, то точно отгрызу себе руку и сбегу.

Он криво усмехнулся и я повторил этот жест, не будучи, впрочем, уверенным до конца, что это шутка. И тут меня осенило.

- Я тоже не могу сидеть и глазеть в потолок. А хочешь прокатиться на моей колеснице? Это здорово отвлекает от дурацких мыслей.

И тут бог огня, кажется, впервые позабыл о происходящем.

- Что еще придумаешь? – воскликнул он, стараясь, видимо, придать своему голосу толику презрения, но что-то подсказывало мне, что он согласен, - на козлах твоих?

- На козлах моих, - улыбнулся я, потирая руку, на которой теперь прочно был закреплен Одинов пояс.

Локи покачал головой, почесал бороду, словно недоумевая, как я мог подумать, что он согласиться на эту затею, а затем буркнул:

- Да разрази тебя гром, неугомонный ты кретин. Поехали.

Козлы, кажется, с подозрением отнеслись к Локи. Пока я впрягал их, они все норовили выскользнуть или запутать поводья, подойти к Локи, обнюхать его. Он сам подошел к ним, присел на корточки и, вопреки всем своим предшествующим оскорблениям в адрес моих помощников, протянул им раскрытые ладони. Трангистр и Трангньостр обнюхали их, потом внимательно посмотрели на Локи, и вдруг, словно осознав что-то, перестали беспокойно блеять и дали мне, наконец, надеть на них упряжь.

Локи расположился в колеснице, натянул на голову капюшон плаща.

- Проверь, тебе хватит длины этой веревки проклятушей?

Я покрутился, взял вожжи, но колесница моя была маленькая, рассчитанная на одного меня, и веревка в несколько локтей длиной не могла помешать мне.

Трагистр и Трангньостр беспокоились. Уже было чересчур промозгло для небесных прогулок, козлы и всегда не очень-то охотно летали поздней осенью, а уж с непривычно тяжелой колесницей и подавно капризничали и не желали разгоняться.

- Но! Пошли! – прикрикнул я и щелкнул вожжами.

Нехотя переставляя копыта, козлы затрусили по холодной земле, я прикрикнул на строптивцев снова, и они взлетели.

Влажный воздух мгновенно охладил лицо, и я вдохнул запах приближающихся заморозков,

Я обернулся на Локи. Он вцепился руками в борта колесницы, но глаза его вспыхнули восхищением. Он крутил головой, позабыв о том, что капюшон слетел с его головы и ветер трепал теперь его волосы. Я про себя решил, что сегодня полетим ниже, чем обычно, чтобы вместо облаков и туч, так любимых мною и моими помощниками, можно было наблюдать мрачноватые, но от этого не менее впечатляющие, пейзажи затянувшейся осени.

- Я обычно бываю только в Мидгарде, - крикнул я, - но если хочешь, можем куда-нибудь в другое место!

- Все равно!

Локи замотал головой и добавил весело:

- А еще быстрее эти паршивцы могут?

«Паршивцы» то ли услышали его слова, то ли сами начали наслаждаться прогулкой, но, как бы там ни было, они помчались галопом, и Локи восторженно засвистел.

- Хочешь грозу? – я раззадорился, мне вдруг ужасно захотелось показать себя в самом лучшем свете, я хорохорился, как подросток, а Локи только отпускал свои ехидные комментарии, но я видел, что он доволен.

- К Хель! И так холод!

- Возьми! - я швырнул свою куртку в него, Локи неуклюже поймал ее, порывом ветра снесенную прямо ему на лицо, и я захохотал, до чего нелепо он выглядел.

Я отпустил вожжи, позволив козлам самим выбирать дорогу, и обернулся к Локи, держась за борта.

Тот надел мою куртку, и я вдруг понял, что в ней Локи кажется почти мальчишкой, до того она была ему велика. Локи исподлобья глянул на меня и натянул поверх куртки свой меховой плащ.

- Ну, где гроза?

- Сейчас устроим!

Уже через несколько минут обжигающие холодом ледяные струи пролились на землю, проклинаемые мидгардцами и восхваляемые мною. Я потрясал молотом, хохотал и веселился, как это бывает со мной обычно во время грозы, и, обернувшись к Локи, понял, что он смотрит на меня, и в глазах его – что-то, похожее на улыбку. Я отвернулся, сердце стучало, и, чтобы скрыть свое замешательство, я вызвал еще один сполох.

Но я опасался за Трангистра и Трангньостра и решил повернуть назад – к тому же, прогулка и так затянулась на весь день, и я, заметив, что пригревшийся под одеждой Локи начал уже клевать носом, развернул колесницу.

Когда мы вернулись в замок, он был безмолвен. Факелы светили лениво и тускло, по коридорам проносился иногда теплый ветерок: исполин-замок спокойно вздыхал во сне. Не задумываясь, я направился к своему чертогу, и вдруг заметил, что веревка натянута. Я обернулся. Локи не двигался с места и, уловив мой взгляд, выжидательно наклонил голову.

- Чего встал? – мне совершенно не хотелось выслушивать, что там взбрело ему в голову, хотелось снять мокрую одежду, болотной тиной липнущую к коже, и уснуть в своих уютных покоях.

- С чего это ты взял, что я буду ночевать в твоём чертоге?

- С того, что мы связаны этой штукой, - я подергал пояс, - пошли уже.

Локи озлобленно дернул пояс на себя.

- Я буду спать только у себя.

- Если ты желаешь оспаривать приказ Одина... - я почувствовал, как грозовым сполохом пробежало по мышцам раздражение.

- Эка невидаль! Один!

Я понимал, что он издевается, но и самому Одину было известно, что Локи не всегда одобряет его решения. Другое дело, что Всеотец даже несколько поощрял такое свободомыслие, ведь Локи был далеко не дурак. Впрочем, сейчас мне так не казалось.

- Ты говоришь о Всеотце! Не забывайся, ты...

Я подошел к нему вплотную, едва сдерживаясь, чтобы не схватить за грудки. Локи посмотрел на меня сверху вниз – несмотря на то, что был почти на голову ниже.

Несколько мгновений мы стояли так, яростно пяля друг на друга глаза, и со стороны выглядели бы для возможного наблюдателя довольно нелепо, если бы только эти наблюдатели были.

- Что, силой затащишь в свою постель? - похабно ухмыльнулся Локи, а я невольно отпрянул, слова покоробили, и я отвел глаза, а паршивец заметил это и захохотал.

- Давай бросим жребий, - нашелся я с ответом, - не ночевать же прямо тут.

- Отлично. У меня тут было что-то... - Локи порылся в своих бесчисленных карманах и, достав какой-то небольшой желтоватый камень, протянул его мне, - пойдет?

- Что это? – я покрутил предмет в руках, - здесь руны.

- Зуб Слейпнира. Если выпадет сторона с руной – ночуем в моем чертоге.

Я согласился было, но потом вспомнил, что имею дело с величайшим из обманщиков, и очень порадовался, что догадался до этого прежде, чем мы бросили жребий.

- Ну нет! Бросать буду я, ясно?

Локи усмехнулся и пожал плечами, но мне показалось, что в этом жесте было тщательно скрываемое разочарование.

Я внимательно оглядел зуб и бросил его на раскрытую ладонь Локи.

Неизвестная мне руна оказалась снизу, я победно улыбнулся, чувствуя себя так, словно перехитрил самих Норн, а Локи раздраженно дернул плечом и убрал зуб в карман.

По счастью и сообразно моему положению среди богов, кровать моя была воистину царской, настолько огромной, что на ней могло бы поместиться еще пятеро мужчин моего роста и телосложения, а уж о Локи и говорить нечего. Так, отодвинувшись друг от друга настолько далеко, насколько вообще позволяла длина пояса, мы молча уснули.

Как оказалось позже, это было не совсем верно – уснул только я, и спал без сновидений до того момента, пока что-то не разбудило меня. Открыв глаза, все еще не понимая, нахожусь я во сне или же в реальности, я заметил, что наткнулся на Локи: имея привычку вертеться во сне, я перекатился на его половину кровати. Мало соображая, словно проспал, подобно медведю, целую зиму, я понял, однако, что Локи не спал – он сидел, согнувшись, как высохшее дерево, и крепко держал в руке пояс. Несколько мгновений я лениво наблюдал за ним, а потом осознал вдруг, что он колдует. Перепугавшись, что этот сумасшедший сумел своей магией побороть магию Одина, я схватил обеими руками пояс и резко потянул себя, чтобы вырвать его из рук Локи. Тот от неожиданности испуганно охнул и, потеряв равновесие, мешком повалился на меня. И в тот же миг я ощутил, как по животу словно провели острием кинжала и, опустив голову, увидел на своей коже ожог.

- Что ты творишь? – прорычал я, но Локи, по-прежнему в замешательстве и, очевидно, пребывающий в некой прострации, которую всегда вызывает слишком трудное колдовство, ничего не отвечал.

- Ты пытался его сжечь, сволочь?! – понял я.

Соприкоснувшись с моей кожей и оставив на ней алую полосу, пояс мгновенно остыл, словно выполнил свое предназначение, и был целехонек. Тогда Локи поднял голову, и я замер от этого взгляда.

Он явно колдовал не один час, упорно пытаюсь своей магией побороть Одинову, и теперь казался совсем опустошенным. Во взгляде его была слабость, почти граничащая со всяким отсутствием мысли, и это так не вязалось с обычным образом Локи, что я невольно подумал, что вижу сон. Да, просто один из снов...

- Я сплю? – я сказал это вслух, и вдруг в лице Локи, до этого растерянном, что-то изменилось, и тронуло сухие губы подобие улыбки.

- Да, Тор, - проговорил он хриплым шепотом, - ты спишь... Это один из твоих снов. Ты же часто видишь меня в снах? Да, Тор?

Когда он произносил мое имя, последний его звук сорвался с губ мягко, как рокот волн от берегов драккара, и я, плененный этим раскатом, кивнул. Локи улыбнулся, теперь уже по-настоящему, и было в улыбке что-то змеиное, и по-змеиному же он подтянулся и лег на меня уже так, что наши лица оказались совсем рядом. И, наверное, что-то изменилось в моем взгляде, когда я понял, что его член касается моего, потому что Локи наклонился и выдохнул мне в самые губы:

- Что моя магия?..

Я не понимал, к чему он клонит, я не понимал уже совсем ничего. Я уже не был уверен, что вижу сон, но сейчас это не имело никакого значения. Он не был больше демоном, посланным в мои сновидения Хельхеймом. Он не был призрачен, он был здесь, и тяжесть его поджарого тела, терпкий запах его пота и горьковатый аромат спутанных рыжих волос, что ярким пятном дразнили в снах, были здесь. Я мог бы дотронуться до Локи, если бы каким-то краем сознания не цеплялся за надежду, что вижу сон, ибо этот Локи был во сто крат притягательнее и желаннее настоящего, и этот Локи сам касался руками

моего заросшего щетиной лица.

- Что моя магия, Тор? – томно шептал он, - что она? Никто не смог бы разорвать этот пояс... Какой же я глупец...

Он посмотрел мне в глаза, и мне страстно захотелось вдруг, чтобы это выражение бессилия покинуло их, вернув то порочное сладострастие, что было прежде.

- Твой Мьелльнир мог бы, - добавил он, касаясь жесткими пальцами моих губ, и я больше всего на свете сейчас мечтал поцеловать их.

- Я разорву, - прошептал я, глядя в эти черные в темноте глаза, блестящие, как змеиная кожа, - Локи...

Он засмеялся, облизнул свои красные губы и чуть повел бедрами, так что его член потерся о мой, заставляя меня судорожно вздохнуть. Это не было похоже на обычное возбуждение, то не была страсть, я не мог бы назвать мое чувство и похотью. Позднее, вспоминая это, я понял, что состояние мое было похоже на транс, в который иные маги могут вводить одним взглядом.

Но сейчас я не понимал ничего. Я чувствовал только его пальцы, дразнящие мои губы своими невесомыми прикосновениями, и его жесткие волосы, щекочущие мои плечи.

Он поцеловал меня.

И тогда с меня словно спало оцепенение. Я за затылок притянул его к себе, я повалил его на кровать и подмял под себя, ни на секунду не отрываясь от этих губ, что были такими недостижимыми все эти недели. Я крепко держал его руки, не желая отпускать, словно он мог исчезнуть, и он застонал, когда я сжал его поврежденную кисть.

- Прости меня, - пробормотал я, отпуская, и тогда он взял мое лицо в свои руки, чуть отвернулся, не давая себя поцеловать снова.

Я чувствовал его твердый член, упирающийся мне в пах, и тот участок моего тела, где влажная от смазки головка касалась меня, горел огнем, как от давнишнего ожога. Но этот жар был иного рода, и я так нестерпимо желал коснуться Локи, что не услышал, как он сбивчиво говорит что-то.

- Что? Что, Локи? – пробормотал я, совсем как в тот жуткий вечер.

- Освободи нас...

Зеленые глаза, блестящие похотью, сильная рука, коснувшаяся моего напряженного члена, кисловатый запах пота и его тяжелое дыхание...

Мьелльнир дрожал в моих руках, но в удар, пришедшийся по поясу Одина, я вложил, наверное, всю силу, на которую был способен. На мгновение темнота сменилась ослепляющим светом молнии, а когда я вновь обрел зрение, на месте Локи был рыжий сокол.

Но в этот раз он взлетел прежде, чем я успел схватить его, и, вылетев в окно, скрылся в ночи.

Тупо глядя на разорванный и опаленный пояс, я впервые ощутил тяжесть Мьелльнира.

Помутнение

Позднее, вспоминая это, я осознал, что мог бы догнать Локи, если бы бросился в погоню сразу. Но тогда я остался сидеть на месте, и собственное тело, и молот в моих руках, казалось, весили, как само Мироздание. Тогда я списывал паралич этот, напоминающий те жуткие сны, в которых пытаешься бежать, но ноги тяжелые, не слушаются, на магию Локи, отказываясь осознавать, что он не был в состоянии заколдовать меня.

Тогда я нашел в себе силы только лечь и, еще не до конца осознавая, что влечет за собою моя страсть к предателю, бездумно погрузился в воспоминания о прошедших мгновениях.

Тогда они были свежи, и я мог повторять их перед мысленным своим взором снова и снова. Но и много позже, вызывая в памяти это помутнение, я снова чувствовал прикосновения Локи, слышал сбитое дыхание. Странная вещь - воспоминания. Любое событие волею Норн совершается лишь единожды, и все, что у нас есть – способность вновь возрождать их, как возрождается в дивных южных сказках выдуманный божок волшебной страны, где и зимой нет снега и жарко так, что люди ходят без одежды и не носят никогда бород. Дивная страна Мидгарда, легендами которой развлекал иногда нас Локи.

Там круглый год царит жара, словно в твоей кузнице, и нет такого дня, чтобы не светило Солнце, которое они почитают, словно бога. Люди там веруют в божков с животными головами. А один божок будто бы правит на самой земле. И будто бы по его велению разливается единственная их река... Дивно хоронят там людей. Их замуровывают в огромных домах из камня, в крыши этих домов заострены, обращены к Солнцу, и оно заливают эти последние пристанища. А внутри – прохладно и темно, и мертвецы запряты так, что их души не нашли бы выхода, даже если бы они отреклись от своих звериных богов. Нет Хельхейма для них, но нет и Вальгаллы. Дивные там живут люди, дивные, и я не могу понять их грамот, сколько бы ни пытался, у меня есть они, я украл их из самих гробниц, оставил стекляшки и камни, которыми надеются эти люди помочь своим мертвецам...

Мне снилась южная страна, где сам сухой воздух пропитан магией. Где ходят невиданные звери и птицы, где кожа у людей черная, словно вымазана сажей, а головы не человечески, и животные. Где пятигранные дома обращены к Солнцу, а песок под ногами раскаляется за день, чтобы ночью охладиться и источить змей, рыскающих по бескрайним, как океан, дюнам.

Солнце было в зените, когда я проснулся. Я собирался медленно, понимая, что Один придет в ярость от произошедшего. Страх перед Всеотцом не было. Я ощущал странную нереальность происходящего, словно все было бесконечно далеким, словно я отгорожен был от первых заморозков, от разговоров челяди, доносившихся из сада, от рыжих перьев на простынях. От собственной тупой и тянущей боли в том месте, где, как я полагал, находится у меня душа – от самого кадыка и до груди, но я не выдыхал ее с воздухом, хотя сейчас мне невыносимо хотелось избавиться от нее, ноющей, как избавлялся я кашлем от дыма костра.

Один завтракал в зале, за столом сидели и другие Асгардцы, они желали мне доброго утра и косились на оборванный пояс, по-прежнему привязанный к моему запястью.

Зал был бесконечно длинным, словно я шел по лесной аллее, и я казался самому себе крошечным ниссе, ибо все окружающее было огромным, огромными были и люди, но голоса их звучали приглушенно, в ушах словно стоял шепот тысяч и тысяч детей, мешавший распознавать прочие звуки. Но, сколько я ни прислушивался, я не различал, что говорят эти дети.

Один оторвался от трапезы и лишь тогда, кажется, заметил меня.

- Тор! – но это было не приветствие, он вскочил на ноги, - проклятье! Этот бастард околдовал тебя!

Отец взял мое лицо в свои сухие, морщинистые, как древесная кора, сильные руки, взгляд единственного глаза встретился с моим, и губы старика забормотали заклятия, которых я не мог слышать и распознавать.

А потом я моргнул, и оцепенение, ощущение нереальности, отрешенности исчезло.

- Спасибо, - поблагодарил я, - странно было.

- Такое случается и с людьми, - покачал Один головой, - когда Лофт развлекается с их умами. Он сбежал?

Я ожидал, что он разозлится, и был настолько удивлен спокойным интонациям, что просто кивнул.

- Ты подвел меня, сын, - сказал Один, и в голосе его была усталость и разочарование, и он показался не непоколебимым воином и самим Асгардом, но слабым старцем.

Поманив рукой кого-то из прислуги, Один велел передать всем Асам собраться в тронном зале.

Он словно намеренно не стал снимать обрывок пояса с моей руки, и я чувствовал себя клейменым рабом, когда вместе с Одином ожидал Асов в серебристом тронном зале.

- Отец, - тихий голос мой заглушался перешептываниями собравшихся, - я сожалею, и я готов...

Всеотец велел мне замолчать, и дал мне слово, лишь когда все собрались:

- Тишина! Аса-Тор будет говорить.

И Один, тяжело ступая, прошел к трону и воссел на него, не сводя с меня тяжелого, словно металл моего молота, взгляда. Собравшиеся копировали этот взгляд, так вода повторяет очертания лиц заглянувших в нее – искажая, подрагивая, неуверенно, но упрямо. И вот уже десятки глаз укоризненно и холодно смотрят, а я не знаю, что сказать Асам, ибо они никогда, я уверен, не испытывали чувства, подобного моему, и не смогут понять.

- Друзья мои, - я прокашлялся, слова резали горло, - я подвел вас и прошу простить меня. Этой ночью Локи, которого Всеотец повелел мне стеречь, сбежал.

- Расскажи, как это произошло, – голос Одина, отраженный от стен, давит.

- Он обманул и околдовал меня.

Водопадом обрушивается на меня негодование асгардцев. Я слышу свое имя, произнесенное гневными голосами, и каждый норовит задеть, обругать, я смотрю в лица друзей, и вижу презрение, но я не чувствую за собой вины, я чувствую, что, будь у меня возможность вернуться к этой ночи не только одними воспоминаниями, я не изменил бы в ней ничего. Я готов был терпеть хулу, ибо один только его поцелуй стоил всех этих злых речей.

-Замолчите! – прогремел Один, - Замолчите, Асы и Асиньи, и послушайте, что я скажу вам. Мужей не суди за то, что может с каждым свершиться; нередко бывает мудрец

безрассудным от сильной страсти.

Я почувствовал стыд за свою порочность, но никто больше не посмел сказать мне ни слова, и, выждав, Один продолжил:

- Тор допустил ошибку, но все вы знаете, каков Лофт. Он достаточно могуществен, чтобы подчинить своей воле даже без использования магии.

Я взглянул на отца. Произнося имя побратима, или, вернее сказать, того, кто прежде был его побратимом, Один хмурился, но я понял, что то не были разочарование и боль. То была ненависть, ненависть крепчайшая, коей достойны лишь предатели.

- Он избрал сторону врага. Это его выбор. Он никогда не был Асом, не был он и Ваном, а отныне он и не брат мне.

Каждое слово тяжелое, как шаг воителя, холодное и пронзительное, как северный морской ветер, жесткое, как лед в зимние месяцы.

Я дрожал. Так дрожит Мьелльнир, мучимый наполняющими его громами и сполохами, но я не мог возражать Высокому.

Это сделала Сигюн.

-Мудрейший, - женщина склонила голову, обращаясь к Всеотцу, но голос ее был так же тверд, как и его, - Локи дорожит твоей дружбой, как ничем иным. Он не предал бы тебя. Я готова поклясться своей жизнью, он сделал это, чтобы защитить Асгард, как делал он это прежде.

- Это пустые слова, Сигюн, а вот предательство твоего мужа я вижу не менее ясно, чем тебя, хоть и лишен глаза. Асы не прощают предательства.

- Разве не сделал бы ты то же самое, будь на месте Слейпнира твой сын?! – вскинулась женщина, она ломала руки, никогда не видел я ее такую. Искаженное болью лицо, лицо человека, потерявшего единственную свою семью.

- Не сделал бы. *Dura lex, sed lex**, - отвечивал Один.

Одобрительно зашумели, и Сигюн, не поднимая головы, сделала шаг назад. Я увидел, как дрожат ее плечи, и мне вдруг стала противна мысль о том, что она защищает предателя. Я посмотрел на Отца. Как мог я верить Локи, как мог я думать, что он знает лучше, чем Владыка Девяти Миров?! Змий и грязный лис, он околдовал меня, и одна только мысль о том, что я поддался хитрым и лживым словам и притворным ласкам, вызывала желание пасть на колени перед этими благороднейшими людьми, склонить голову, чтобы они могли обругать меня.

- Я не меньший предатель! – вырвалось из груди, и мне стало немного легче, словно вскрылась гнойная рана.

- Прекрати, сын. Ты уже слышал мое слово. Я не накажу тебя, ибо муки совести будут достаточным наказанием тебе.

- Встань, Тор, - мягко позвала Фригг, положила ладонь мне на плечо, и я встал, и я увидел снова лица друзей. Как могли они казаться мне хулителями?!

- Что будет делать Лофт с великанами, убьют ли они его, сделают ли братом – уже не наша забота, - продолжал Один, - но в их руках наш друг. Завтрашним утром мы отправимся освободить Хеймдалля. Мои вороны и волки немедля отправятся в Йотунхейм, чтобы найти логово Хросстьова. Всем готовиться к битве. На рассвете мы выступим.

Возражений не было – их и не могло быть.

С тишиной пришли и сомнения. Идя рука об руку с Тюром и Фригг, я глядел на Сигюн, к которой не приблизился никто, но плечи женщины были гордо расправлены, хоть на лице

и застыло выражение отчаянья. Ее любовь к предателю была сильнее моей, была иного рода, была непоколебимее той страсти, что томила меня, заставляя и сейчас вновь сомневаться в словах Мудрейшего. Я пытался отогнать ее, навязчивую, разъедающую, словно проказа, но воспоминания накатывали ледяными океанскими волнами, воспоминания душили, и пояс, которым соединены мы были всего несколько часов назад, сдавливал, казалось, руку, пережимая кровотоки. Так пережимало чувство работу мысли, и я боролся с порывом кинуться к Сигюн, обнять острые плечи, обещать защитить ее мужа, ее друга. Защитить предателя и мерзавца, подлые и прекрасные глаза которого видел я, закрывая свои.

Подмерзшая земля оттаяла к полудню того же дня, хотя месяц Ходера уже вступил в свои права. Зарядил несильный, но постоянный дождь, холодный, раздражающий, имевший с моими дорогими грозами столько же общего, сколько сброшенная змеей шкура имеет с самой змеей. От сырости и отсутствия солнца голова гудела, кровь пульсировала в ней, причиняя боль, постоянно и сильно, словно молоты темных альвов стучали в кузне. Будь Локи в Асгарде, я обратился бы к нему и к его целебным травам, как всегда делал это, потому что стыдился признаваться Эйр в своих головных болях, а Локи, хоть и ехидничал над моими жалобами, но никогда не отказывал в помощи. Казалось даже, что он радуется, подобно ребенку, любой возможности использовать свои познания. Но Локи не было, и я, не привыкший терпеть эти приступы, отправился к Эйр, чтобы попросить какой-нибудь травки. Впрочем, я быстро пожалел об этом.

- Тор, ты посмотри на себя. Какая головная боль? Помню времена, когда тебя и открытый перелом не пугал!

- Ну что я поделать могу, - вместе с головой болели уже и глаза, и виски.

- Можешь пойти прогуляться. Свежий воздух поможет больше, чем травы.

Я не был уверен, что она права, но не стал спорить, чтобы не показаться капризным младенцем.

Натянув на голову капюшон плаща, я вышел на окружную стену. Морось на время прекратилась, но воздух был холодным и влажным. Запах сырой земли, столь приятный летом, сейчас был совсем иной, гнусный, гнилостный. На стене, на расстоянии нескольких десятков шагов, я заметил фигуру часового, и решил подойти поздороваться, чтобы подбодрить неудачника, которому выпало дежурить в такую погоду.

- Добрый вечер, мастер, - слуга стучал зубами, шмыгал красным крючковатым носом, вытирал его озябшей ладонью.

- По тебе не скажешь, что он добрый. Ты Эгиль, верно?

- Да, мастер, так мое ничтожное имя, - поклонился Эгиль, - вы слишком добры ко мне.

- Прекрати уже, когда я был суров с вами? – я оглядел сине-черный пейзаж.

Облетевший сад казался враждебным, деревья растопырили скрюченные конечности, словно тянулись к нам, словно угрожали Асграду. Во дворе и в саду, и до самого горизонта, во всем Асгарде и во всем этом сыром и насупившемся, притаившемся, словно сраженном хворью мире не было, казалось, ни одного живого существа. Я подумал о Йотунхейме, о могучих его горах, заслоняющих горизонт, о шумных соленых реках и долинах, скрытых от солнца, о Йотунхейме, где в это время года так морозно и так легко дышится. Я подумал о Локи, который вдыхает сейчас сухой и живительный воздух, и моим легким стало еще труднее вбирать в себя влажную тьму. Я отогнал мысли о предателе, и, снова взглянув на горизонт, увидел какое-то движение в этом мутно-сером штиле.

- Гляди, - толкнул я в бок своего задремавшего от холода собеседника.

Эгиль встрепенулся.

- Что это, мастер?

- У меня так болят глаза от этой проклятой погоды, что я бы сейчас и великана не признал, - пожаловался я, - ты не видишь?

Слуга услужливо и с готовностью прищурился и даже подался вперед, вглядываясь в северо-запад.

- Это лошадь, мастер. Убегла, поди, из Мидгарда...

- И прямо по Бивресту к нам, - усомнился я, - нет, не простая это лошадь...

Я вдруг понял, что до боли сжал кулаки, что я надеюсь разглядеть эту лошадь, надеюсь увидеть восемь ног вместо четырех. Надеюсь, что всадника позволят разглядеть тусклые звезды, и я не мог более скрывать от самого себя, что надеюсь увидеть *его*.

- Бежит к воротам Асгарда! Мастер...

Но он кричал уже мне в спину.

Поскальзываясь на камнях окружной башни, позабыв о мучительной и тупой боли в голове, я спешил навстречу таинственным пришельцам.

К тому моменту, как я подбежал к воротам, около них уже был Один, Фригг, Сив и еще несколько Асов и слуг. Один подошел к воротам и коснулся их, они мягко отворились, медленно, давая Всеотцу отойти, и лошадь, взмокшая, приземистая и крепкая, мохноногая, прошла через них. К спине ее привязан был человек, он был без чувств, и я услышал, как Сив с шумом втянула в себя воздух:

- Это же Хеймдалль!

Лошадь не шевелилась, только тяжело дышала, словно галопом преодолела путь от Йотунхейма до Асграда. А она определенно была из Йотунхейма, ибо тех лошадей не спутать ни с какими другими. Привыкшие к суровым зимам, к проливным дождям и грозам, но знавшие и лесные пожары, и тяжесть горных перевалов, они скорее напоминали рабочих коней – крепкие, коренастые, с сильными ногами, гривы и хвосты их всегда были подстрижены коротко. То были выносливые и прекрасные животные, хоть прелестная грация людских и асгардских коней и не была присуща им.

Один опомнился первым, первым подошел к несчастному, магией распутывая тугие узлы. Я подошел помочь отцу. Грубые веревки промокли насквозь, и распутывать их от того было еще сложнее. Они саднили ладони, я заметил, что на теле лошади путы тоже оставили отметины, и мне стало жаль вражеского слугу.

- Один, позволь мне позаботиться о ней! – обратился я к отцу, и тот кивнул, давая понять, что не имеет ничего против моего благодушия.

Бесчувственного Хеймдалля сняли, наконец, с большой осторожностью с великановой лошади. Кто-то из сообразительных слуг уже успел сбегать за носилками, и Стража осторожно опустили на них.

- Он жив вообще? – вдруг раздался голос Скади, до этого незаметной за спиной мужа. Я наклонился к другу. Он дышал, спокойно и ровно, пусть дыхание его и было поверхностным, как у кошки. Он не выглядел раненным, и я догадался, что он был лишь усыплен зельем или заклятием, а в остальном – невредим.

- Жив, но он крепко спит. К магии великаны не способны, но простейшее усыпляющее зелье сварить могут даже их целители. На всякий случай покажите его Эйр, но, думаю, с ним все будет в порядке, - словно прочитав мои мысли, объяснил Один.

Когда слуги удалились, Сив задала вопрос, волновавший всех нас:

- Почему они отпустили его?

Я посмотрел на Всеотца, и то же сделали и остальные собравшиеся, а тот оглядел нас и негромко сказал:

- Он не нужен им. Вы ведь понимаете, почему великанам понадобился Лофт? Он способен породить для них лошадей, подобных Слейпниру, животных исключительного могущества, с которыми они будут непобедимы в своих битвах.

Вспомнив Слейпнира, каким я видел его в последний раз, я понял, о чем говорит Один. Слейпнира, неподвижного, застывшего в лунном свете, детище словно самого Хельхейма, демона с осмысленным и жутким взглядом, и вдруг я окончательно понял, что Слейпнир – существо совсем иного рода, чем животные, называемые лошадьми.

- Но ведь они разрушат все девять миров! – воскликнула Сив, и я выразил согласие с ней.

- Животные, подобные Слейпниру, не позволят себя оседлать ни йотунам, ни людям, - спокойно отвечал Один, - все дети Лофта, которые могут быть полезными, будут принадлежать Асам.

- Но Локи у великанов, - возразил я.

- Так значит, мы выкрадем лошадей, как только они появятся на свет. А завтра, как и планировали, устроим поход на лагерь врага, чтобы выкрасть Слейпнира и Золотую Челку**.

Затея показалась мне глупой, но, как оказалось, так считал один только я. Собравшиеся одобрительно кивали, глаза загорелись – боевые кони были слабостью большинства из них, ибо все они были великими воинами, знающими цену достойному коню.

- А что же Локи? – не выдержал я.

- Тор, ты, право, в последнее время разочаровываешь меня, - обернулся ко мне отец, - неужели он недостаточно ясно дал понять, что сделал свой выбор, примкнув к врагу?

- Но вдруг он действительно просто хотел спасти нас и Слейпнира? – не унимался я, мысль Сигюн полипом приросла к разуму, и я цеплялся за нее, желая верить.

- Ты, видимо, недостаточно знаешь Локи, - жестко отвечал Один, - никогда бы он не пожертвовал собою ради других.

- Он изменился после появления Слейпнира!

- Замолчи, Тор, ты чересчур много позволяешь себе! – Всеотец грозно воззрился на меня, и я, хоть и хотел возразить что-то еще, не смог это сделать, голос исчез, словно Один заклятьем украл его у меня, а может, так оно и было.

Я опомнился, только когда Асы во главе с Одним уже заходили во дворец, и поспешил за ними.

Снова начался дождь.

Примечания:

*Dura lex, sed lex** - Суров закон, но это закон (лат.)

*Золотая Челка*** - имя коня Хеймдалля

Письма из плена

Личные записи Локи, сделанные во время пребывания в плену у великанов.

Дорогая Сигюн!

Стоило только этим ужасным существам бросить меня в эту наводящую тоску темницу, я осознал, что пребывание здесь будет невыносимым для моей души, а разум мой вскоре откажется мне служить. Чтобы избежать этого невыносимого, поверь, для человека истинно влюбленного в науки состояния, я велел принести мне пергамент и чернила, чтобы письма заменили мне собеседника (письма, которые ты никогда не должна прочесть, ибо я чувствую, что руки мои помимо моей воли напишут здесь то, чего не следует знать тебе). Просто удивительно, до чего умны греки, ты не находишь? За одно только изобретение пергамента и чернил их можно и должно почитать!

Впрочем, я помню, что ты лучше многих знаешь сочинения греков. Мне вспоминаются строки, что читал я у одного из них, имя его такое дивное, что я боюсь ошибиться, нанося его на бумагу. Строки, однако, я помню превосходно, и привожу их здесь для тебя: «С величайшей легкостью принять я должен жребий свой. Ведь знаю же, что нет сильнее силы, чем всевластный рок». Их произносит герой по имени Прометеус, если верить римским авторам, и, знаешь, я чувствую какую-то близость с этим несчастным созданием. Впрочем, я не хочу лишать тебя удовольствия, которое испытываешь ты, прочитав сочинения этого грека.

Я совсем отвлекся с этими греками и их сочинениями! Ты должна извинить меня. Здесь совсем нечего делать, и мысли в моей голове роятся, подобно мошкаре над болотом, и совсем не желают угомониться. Как, бывало, хорошо думалось в Асгардском саду ранней осенью! Но ведь я начал это письмо совсем не для того, чтобы рассуждать о греках и прелести нашего дома. О, Сигюн, приведется ли мне еще когда-нибудь увидеть Асград? Вернуться, как говорят греки, к родным пенатам...

Я опишу тебе, как выглядит мое убогое пристанище. Здесь нет окон, но это не страшно - дневной свет опасен моей коже. Вспомни, как напоминал я простолюдина, вернувшись в Асград этим летом! Помнишь ли ты этот день?

Вернусь, однако, к описанию моего чертога. От стены до стены здесь – ровно пять моих шагов, а потолок – примерно два моих роста (впрочем, я не могу сказать тебе точно). У меня есть кровать – если можно назвать кроватью деревянную лавку. Кроме того, я располагаю ночным горшком с отколотой ручкой, прости меня за такие подробности. Как видишь, я теперь живу довольно скромно.

Сейчас идет первая ночь моего заключения. Я дал сам себе слово писать тебе по письму каждую ночь. Ты спросишь, как пойму я, что наступила новая ночь? Дело в том, ровно два раза в день мои мучители будут приносить мне кушанья – если можно назвать простую похлебку и чашку воды кушаньем! О, я вспоминаю пиры Вальхаллы, сочное мясо Сэхримнира и сладкую медовуху Хеймдалля, и я словно чувствую их запах и вкус...

Кстати, я совсем забыл: они ведь отпустили Хеймдалля. Я узнал это от одного из двух своих стражников. Ты ведь знаешь, я немного понимаю йотунхеймское наречие, хоть оно и режет мне ухо, словно острый клинок. Право, я уже готов говорить сам с собою, чтобы убедиться, что еще существует на свете асгардский говор, благозвучный и ласкающий слух, но я еще не до того спятил.

Ты спросишь, почему всего один день заточения сломил мой дух настолько, что я бросился писать тебе? Мой друг, меня выбивает из колеи не мое заточение, о нет! Я лишь боюсь, что оно было напрасным, ибо Слейпнир по-прежнему в руках этих тварей! Что делают они с моим сыном? Сыт ли он, в тепле ли? О, я готов выносить и голод, и темноту, и сырость этих стен, что так вредны моему здоровью, лишь бы Слейпнир был в безопасности!

Я чувствую, что они обманули меня, подобно тому, как я обманул Тора. Мне вспоминаются строки любимого мною Феогнида: «Самое трудное в мире, о Кирн мой, узнать человека лживого». Воистину это так! Я обязательно попрошу прощения у Тора, но позволь мне отложить описание моих сердечных мук до следующего письма. Сейчас я слишком взволнован судьбою моего милого Слейпнира.

Прости, я вынужден заканчивать – огарок свечи, который я выпросил у стражников, скоро догорит, и я хочу уснуть до того, как здесь станет совсем темно. О, хоть бы это удалось мне!

Любящий тебя,
Локи

Милый друг!

Лишь мысль о том, что этой ночью я буду иметь возможность снова писать тебе и словно говорить с тобою, как, бывало, долгими ночами говорили мы, сопровождая разговоры добрым вином, позволила мне пережить этот день.

Мое прошлое письмо вышло несколько сумбурным, и ты должна простить меня, ибо я пребывал в смешанных и расстроенных чувствах. Сегодня же я собрался с мыслями. Кроме того, у меня есть свеча, которая выглядит обнадеживающе – думаю, ее хватит, чтобы я успел описать тебе прошлую ночь и сегодняшний день, а также рассказать немного о своих мыслях и чувствах.

В ту ночь я долго колдовал, я совершенно выбился из сил, пытаюсь волшебством и упорством разорвать волшебный пояс, и я уже пришел в отчаянье, как меня посетила подлейшая из моих мыслей. Друг мой, вспоминая о ней сейчас, я ощущаю стыд. Вообрази себе! Много ли припоминаешь ты случаев, когда я, Локи, испытывал стыд?! Так или иначе, я сумел обаять Тора и заставить его разорвать пояс. Но как удалось мне это? Ведь магия моя тогда не была со мною. Я много бился над этой загадкой, но не могу придумать этому чуду объяснения. Ведь не мог же Тор, в самом деле, действительно желать быть обманутым? Неужели мог он вожделеть меня? Неужели мог поверить, неужели один только поцелуй моих гнусных, предательских губ мог заставить его послушаться отца?! Сигюн, сестра моя, друг мой, я мечусь здесь, как попавший в заточение зверь, я схожу с ума, я ликую, но и ломаю руки, думая о том, что догадки мои могут быть правдивы! Неужели может он разделять эту страсть, корень моего стыда и моей величайшей слабости, но в то же время и моей силы? Неужели я зря бросил Тора, сам отрекся от него и слабой надежды на расположение, желая защитить его? Его и Слейпнира, ибо дороже их и тебя, любимый друг, нет никого для меня. Один, которого звал я братом, не дал мне защитить сына, и не брат он мне более.

Сигюн, ты могла бы помочь мне, твой дружеский совет успокоил бы меня, но тебя нет рядом. Тебе известно, что только тебе позволено видеть мои слезы, и, будь ты здесь, я

готов бы уже пролить их, положить голову на твои колени и рыдать, постыдно и долго, как ребенок, и слушать твои мудрые и ласковые речи...

Однако, чтобы не поддаваться этому желанию, не позволить ублюдкам видеть мою слабость, я отвлекусь и продолжу описывать свои злоключения. Попав в Йотунхейм (я разглядел, где логово тех великанов, когда Тор катал меня, желая отвлечь от тягостных мыслей, на своей колеснице), я заявил, что желаю говорить с Хросstoffом. Меня заковали в кандалы и приволокли к нему – пленника, но не посла. Он, этот грязный бастард, напоминал бородавчатую жабу, рассевавшуюся в убогом и грубо выточенном каменном троне, он ел и пил, разговаривая со мной, и я видел, как падают из мерзостного рта куски непрожеванной пищи. Он спросил, чего я желаю, и я ответил, что, коли я явился к нему сам, ему следует поступить по чести и отпустить Слейпнира и остальных, оставить в покое Асгард, а взамен я останусь у него пленником. Он же ничего не ответил и лишь загоготал, и я так мечтал, чтобы он подавился своими гадкими яствами (тебе не хуже моего известно, чем угощаются великаны). Но он отсмеялся, и велел заточить меня в темницу, не сказав мне более ни слова.

Так томился я, отвлекаясь написанием письма тебе. Этим утром меня, едва забывшегося тяжелым сном, растолкали и, вновь заковав в кандалы, притащили все в тот же тронный зал - настолько убогий по сравнению и Асгардским, что язык (рука) не поворачивается назвать его так. Хросstoff заговорил. Я попробую передать тебе диалог, состоявшийся между нами, опустив, по возможности, грубые ругательства.

- Доброго утра, Локи из Асгарда! Паршиво поспал? Поди, не чертоги золоченые! Я порешил, что с тобой делать. Родишь нам коняшек взамен своего отпрыска – отпустим его. А куда будешь носить, он у нас побудет – это, чтоб ты не выкинул чего, сукин сын, а то знаем мы вашего брата! Не думай, что обдуришь Хросstoffа! Стража-то я вашего отпустил, пусть катится ко всем демонам, а вот ты останешься.

- Где Слейпнир? Где мой сын?! Покажи мне его!

- Поглядишь на сынка, не вопи ты, вот же визжишь, будто свинья! И до чего мерзкие у Асов голоса!

- Я не Ас.

- Да Хель вас разберет! Ты все уяснил, рыжий? Теперь возвращайся в свои покои, жди, завтра приведем тебе муженька.

Дальше, Сигюн, он говорил такую гнусную похабщину, что я не могу позволить себе приводить ее здесь, ибо я слишком уважаю тебя. Впрочем, он дал мне увидеться со Слейпниром (несколько минут, но какими же радостными были они для отцовского сердца!) и снова бросил сюда. Мне принесли еду, но кусок не идет в горло. Я испуган, я расстроен, я в отчаянии, я почти уверен, что не переживу завтрашний день. Друг мой, неужели во всем Асгарде не осталось никого, кто мог бы спасти меня, как пытался я спасти вас?! Я не могу больше писать, рука дрожит слишком сильно, видишь, каким неровным стал мой почерк?

P.S. Боли в руке перестали беспокоить меня, но, боюсь, в этой сырости они снова вернуться.

Твой друг,

Локи

Воры и последнее письмо

Отряд был прекрасен. Собранные, подтянутые, на лицах, несмотря на ранний час – никаких следов сонливости, одна только спокойная уверенность. Прохладно и свежо, лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя, бывшего словно гостем из другого сезона, подмерзли, и копыта лошадей легко ломали хрупкие корочки. Вставало солнце. Один гарцевал на своем коне вдоль стройного нашего ряда, оценивая готовность воинов. Завидев первые лучи Суль, отразившиеся в наших щитах, он потряс Гунгниром:
- За мной! Отберем то, что принадлежит нам! Вы со мной, друзья мои?!

И мы кричим, как дикие звери, и потрясаем оружием, и молотим в щиты, создавая такой неистовый шум, что стаи птиц взмывают в светлеющее небо, перепуганные насмерть. Мы пускаем коней галопом, и я занимаю место в авангарде, по правую руку от отца. Подо мной – та йотунхеймская лошадь, что накануне привезла Хеймдалля, и она указывает, дурочка, нам путь напрямик к логову своих хозяев.

Мы проносимся мимо опустевшей и разоренной избушки Стража, мимо конюшни, двери которой, казавшиеся несокрушимыми, разломаны на куски, а тяжелый засов валяется поодаль, вырванный грубой и злобной рукой. Мы подгоняем коней, и я чувствую в сердце поднимающуюся быстро, подобно восходящему Солнцу, боевую ярость и желание отомстить за друга, который, хоть и пришел в сознание, все же не мог присоединиться к отряду и убит за нанесенное оскорбление. Я сделаю это за тебя, Хеймдалль, я своими руками прикончу столько великанов, сколько потребует, чтобы ты был отмщен.

Радужный мост делает топот четырех десятков копыт не громче шороха кошачьей поступи, ветер исчезает, и даже воздух словно перестает существовать, так легко и быстро мчимся мы, и то ощущение нереальности происходящего, которое испытывает всякий, переходящий из одного мира в другой, туманом обволакивает все другие мысли. Они возвращаются, стоит копытам лошадей ступить на землю великанов.

Моя лошадь не дает оглядеться, она торопится домой, и вот долина, кажущаяся бескрайней, уже преодолена. У подножья горы, называемой Клык Фенрира из-за своей формы, лошадь замедляет ход, а Один, заметив это, останавливает отряд.

- Мы на месте, - он спешивается, и мы повторяем его движение, я снимаю с лошади упряжь, и она трусцой направляется в тоннель, уходящий куда-то под гору, туда, где прежде были корни.

- Спрятать лошадей. По возможности действовать тихо, в бой не вступать.

- Но Всеотец, - это Тюр, брат мой, и в глазах его я вижу отражение собственного азарта, - неужто нельзя прикончить парочку йотунов?

- Ты плохо слышишь? – сурово вопрошает Один, брови его насуплены, - здесь все так и кишит великанами, как кишит трупными червями падаль! Если поднимется шум, подмога не заставит себя ждать, неужто ты не понимаешь? Наш отряд слишком мал, чтобы дать отпор сотням великанов! Пусть и нет воинов, равным вам, во всех Девяти Мирах, - добавляет он, видимо, желая предупредить возможное возмущение.

Но больше никто не спорит, и мы по одному, гуськом, не шумно, но и не воровато, ибо не пристало Асам таиться, подобно жалким и презренным трусам, входим в пещеру.

Уходя вглубь, под гору, пещера разветвлялась, подобно лабиринту, и Один велел нам разделить, чтобы обследовать каждый из ходов.

- Помните, наша задача – найти Слейпинра и Золотую Челку. И только это. Никаких битв,

если того не потребуют обстоятельства.

Говоря последнее, Один выразительно посмотрел на нас с братом, и мы кивнули, давая понять, что повинемся воле Всеотца.

Через условленное время договорились встретиться там, где оставили коней – в подлеске недалеко от горы – и расстались. Тюр и я направились в самый, казалось, сырой и темный из ходов, уходящий на запад, и чем дальше шли мы, тем больше казалось нам, что лабиринт этот необитаем.

- Надо было проследить за лошадьёю, - шепотом сетовал Тюр, - она-то наверняка пошла именно в конюшни! И как только можно жить в таком паршивом месте?! Гляди, еще один коридор...

Я поднял факел повыше и понял, что брат прав – тоннель действительно разделялся еще на два хода. Я прислушался. В глубине одного из них будто бы капала вода, другой же был безмолвен, как затаившийся в засаде зверь. Я не был уверен, что нам стоит разделяться, но не посмел высказать свои соображения, опасаясь насмешки. Брат зажег свой факел от моего и кивнул на один из тоннелей:

- Там каплет водица, а я страсть как хочу пить. Так что этот – мой.

- Что-то ты слишком весел, - я попытался изобразить на лице беззаботную ухмылку, понадеявшись, что при столь тусклом освещении Тюр не заметит моего волнения.

Тот весело крикнул и толкнул меня в плечо:

- А чего бояться? Йотунов я, что ли, не видел? Ну, до встречи.

И брат, мой статный, смелый брат углубился в коридор, высокие, в три или четыре человеческих роста потолки которого мгновенно оживились от его факела. Скрепя сердце, последовал я по оставленному мне пути. Не то, чтобы я действительно трусил или всерьез опасался великанов, но безмолвные стены подземелья действовали угнетающе, а шум воды казался в этих местах неожиданно родным, словно напоминающим о существовании другого, светлого мира, где сияет Солнце и текут шумные и полные жизни реки.

Впрочем, недолго пришлось мне завидовать брату – через сорок или пятьдесят шагов воздух вокруг меня словно потяжелел, вдыхать его стало трудно, а проведя рукой по стене, я ощутил осевшие на склизких камнях капли воды. Я понял, что над головой, очевидно, находится одно из тех дивных озер, что могут скрываться в горах, и мгновенно ощутил жажду. Впрочем, с каждым шагом воздух словно все больше пропитывался сыростью, и я был уверен, что вскоре наткнусь на какой-нибудь подземный источник.

Вдруг мне показалось, что в конце тоннеля я вижу свет, и инстинктивно поспешил на него, утомленный тьмой. Шаги мои гулко отражались от стен. Через некоторое время я понял, что выбранный мною коридор оканчивается гротом, на сводах которого были укреплены факелы, и я потушил свой, ибо эти места уже очевидно были обитаемы, а дать здесь бой йотуну означало поднять ужасный шум, за что Один точно не похвалил бы меня. Но я огляделся, и не заметил никакого движения в пространстве грота, зато увидел, как струится по одной из противоположных стен крошечный, в руку толщиной, вялый и медленный, но все же поток воды, и, облизнув пересохшие губы, поспешил к нему.

Вода оказалось теплой и неприятной на вкус, но она утолила жажду. Я снова огляделся и только сейчас заметил - и открытие мое было любопытным - что в двух или трех шагах от меня находится коридор, из которого слышны голоса великанов. Однако время, отпущенное нам на поиски лошадей, уже подходило к концу, и мне следовало

возвращаться назад, пусть и с пустыми руками, если я хотел успеть вовремя, и я уже готов был развернуться, но что-то остановило меня.

Медленно я прошел мимо маленького водопада и заглянул внутрь коридора. Увиденное поразило меня настолько, что я едва не выдал себя шумным восклицанием, готовым сорваться с моих уст. Взору моему открылся широкий коридор, хорошо освещенный, и зарешеченные пещеры, мимо которых туда-сюда слонялись великаны. Я отодвинулся от коридора, чтобы меня не заметили, и некоторое время стоял, прижавшись к сырой стене, размышляя, как мне поступить. Передо мной, несомненно, были камеры с узниками, и в одной из них, несомненно, был и Локи, но о его освобождении не могло быть и речи – чего доброго, отец и меня записал бы в предатели. Но любопытство мое было невыносимым, и я, стянув тихонько с головы массивный шлем, заглянул осторожно в коридор.

Великанов-стражей было всего пятеро, все они были, насколько я разбирался в этой убогой породе, молоды и, насколько я понял по их уродливым серым лицам, изнывали от скуки. Трое из них, косматые и рыжие, одинаковые, верно, братья-близнецы, спали и притом храпели, усевшись каждый около доверенной им камеры, а еще двое – они были ближе всего ко мне – играли в кости и угощались тушками хорьков, которые лежали на огромном, грубо выточенном блюде, стоявшем между великанами. Сцена была скучная и, вкупе с великановым запахом, крайне омерзительная, и я уже решил было, что теперь точно пора возвращаться, как вдруг откуда-то из дальнего конца коридора раздался оклик на великановом наречии. Я ничего не разобрал, но стражи подобрались, вскочили со своих мест, и кричавший начал пояснять что-то. Я же, прижавшись к стене, изо всех сил старался понять, что происходит, но уловил и понял только два слова: «воры» и «лошади». Но и этого было достаточно, чтобы догадаться, что кому-то из Асов удалось таки найти и выкрасть Слейпнира и Золотую Челку, и я ощутил, как расплывается на моем лице злорадная ухмылка, пока наблюдал за суетящимися йотунами, которые удалились за невидимым вестником. «Вот же безмозглые! Оставить пленников, когда в твоём доме хозяйничают воры, что может быть глупее?!» - подумал я.

Я обождал, пока шаги и грубые голоса их стихнут, и осторожно, шаг за шагом, начал пробираться к камерам. Я сам не понимал, зачем делаю это, ибо я действительно не хотел освободить Локи, предателя и обманщика. Свет факелов был нервным, дрожал, и не освещал камеры, так что мне казалось, что большинство из них пусты, хотя в одной из них я определенно заметил съезжившуюся в темном углу фигуру какого-то неподвижного существа. Оно проводило меня желтыми глазами, но не издало ни звука и не сделало попытки приблизиться. Я уже решил было, что они держат Локи в какой-то другой темнице, но вдруг услышал чей-то сдавленный всхлип. Я повернул голову и, хоть и догадался уже, что увижу в камере, все равно вздохнул от неожиданности.

Локи спал. Рука его, испещренная уродливыми шрамами, свесилась с деревянной лавки, так, что пальцы его касались каменного пола. Бог огня стонал во сне, и он вдруг показался мне омерзителен и жалок, и я, хоть и видел, что передо мной именно Локи, не желал узнавать его. Этот грязный мужчина в оборванной одежде, со спутанными волосами, хнычущий во сне, словно дитя, просто не мог быть тем Локи, которого я вождеделал долгие недели, тем Локи, сны и мысли о котором не отпускали меня. Я мог бы узнать его, если бы увидел его глаза, но они были закрыты, и я не ощутил в себе иного чувства, кроме отвращения и ненависти к предателю. Я не знаю, сколько стоял так, но с каждым мгновением желание подойти к нему, разбудить, заговорить, дотронуться,

становилось все сильнее и готово уже было перебороть праведную неприязнь к отступнику. И тогда я услышал, что шаги и грубые голоса снова приближаются и, в последний раз взглянув на Локи, заметил под головой его свитки пергамента, но уже не придал этому значения.

Надо было уходить, и я тихо прокрался по коридору назад, миновал маленький водопад, пересек грот и по давнишнему коридору вышел, наконец, на свет, ослепивший меня. Остальные Асы и выкраденные кони уже ожидали меня, Один пожурил меня за опоздание, а затем оседлал Слейпнира с такой легкостью, будто конь был объезжен им уже пару сотен лет назад. Я ни словом не обмолвился об увиденном, но образ жалкого и покинутого предателя стоял перед глазами на протяжении всего пути до Асгарда.

*Любовь любому рожденному дадена
(В.В. Маяковский)*

Личные записи Локи

Мой милый друг!

Спешу написать тебе, ибо не знаю, когда в следующий раз мне придется брать в руки перо, и придется ли вообще. Мучители мои приведут сегодня жеребца, и я... Но я боюсь даже писать об этом, меня тошнит при одной только мысли о том, что произойдет совсем скоро, но когда? Через несколько минут ли, часов ли? Ожидание невыносимо, и, право, я согласился бы стать безумен, лишь бы не осознавать, как отвратительно и гадко, и грязно, и низко то, что должно свершиться. Если бы я мог, обращаясь в животное, терять не только человеческий облик, но и присущий богам разум!

Как хотел бы я оказаться сейчас где угодно, лишь бы не здесь! Пусть в лабиринтах безумия, только не в этой сырой и одинокой темнице!

Лишь бы мне поставить ногу в стремя!

Живо распрощаюсь с вами всеми:

На коня – и поминай как звали!

*Чтоб за шапку – звезды задевали!**

Не знаю, как произошло это, что двигало мною в те минуты, когда я решился добровольно отдаться в руки этих тварей, разрешить оплодотворить себя их жеребцам. Неужели это то, что иные зовут любовью? Но тогда что рознит ее с безумием?! Я не чувствую в себе более сил принять то, что уготовлено мне Норнами, я жалею, что не спрятался, как крыса, в Асгарде за спиной брата, я трушу, я в отчаянии! Друг мой! Я уже не могу более обманывать себя, я чувствую себя безумцем, болтающим с самим собою, когда пишу эти строки. Я один, я один, я один, мне не дают увидеть даже сына! Где он? Страдает ли обо мне и о доме? Он снился мне, и я помню слова его, понимаемые только мною:

«Туда, туда

Наш путь, отец, умчимся ж навсегда!»

Или он лишен разума, как лишены его животные? Нет, Сигюн, я не могу, не могу поверить, я отказываюсь верить, что он – не более, чем животное! Это мой сын, я люблю его, как любил его отца! Но любил ли?! Или то была животная моя натура, был ли это я, Локи, сын Фарбаути, или то была кобылица, жаждущая, как любая самка, наполнить свое чрево семенем, чтобы произвести на свет подобие себя?! Что было это?! Неужели я способен только на такую страсть, на животную, неужели то, чем наделены даже ничтожные и слабые мидгардцы, не присуще мне?!

Так думал я, так думал я всю свою жизнь, и мысль эта мучила меня лишь постольку, поскольку не мог я ответить должной любовью на твою любовь, но пришло это лето, а за нею осень, и я ощутил в себе нечто новое, неведомое доселе. И Тор был тому причиной. Я долго пытался задавить в себе это чувство, не решаясь назвать его по имени, я называл его любовью братской. Но в то же время понимал я, что ни один в мире брат не испытывал к брату того, что чувствую я к Тору.

Сегодня я видел дивный сон. В этом сне он, возлюбленный мой, потерянный покой мой, был здесь. Он смотрел на меня, смотрел, не произнося ни слова, и я не мог пошевелиться, я в мыслях своих только просил его позвать меня по имени, чтобы я мог вскочить и подбежать к нему, и говорить с ним. Но он ушел!

Я не знаю, Сигюн, правильно ли мое чувство, нормально ли оно, но я точно знаю - оно не похоже на ту похоть, что испытывала кобыла, которой был я, к великановому жеребцу. Оно не похоже ни на что, и, даже если я никогда более не увижу Тора, я чувствую себя счастливым, что познал это чувство, что я не обделен им. Я жалею лишь о том, что не могу просить прощения у Тора.

Но, кажется, я слышу шаги, и, о ужас, я слышу и топот копыт! Это они, и я должен собрать остатки мужества своего.

*Вспыхни, гордости зарница,
И придай мне сил:
Светлый край порой мне снится,
Где и я любил.*

Безмерно тоскую по тебе, и жив одной только мечтой о том, что снова увижу тебя и милый дом.

Твой брат и друг,
Локи

Примечание:

** Здесь и далее в этой главе - отрывки из стихов И.В. Гёте*

Последняя

Какой Асгардец не любит зимы? Крепкого и сухого мороза, в который так приятно выходить поутру; колючего воздуха и скрипа снега под сапогами. Прогулок на санях и уютной усталости, что испытываешь, развешивая дома у огня промокшую одежду и согреваясь грогом. Какому мужу не мил запах мороза от жениной шубки и смеющееся, раскрасневшееся от мороза личико ее? Но эта зима была иная. Пурга и метели не выпускали нас из дворца по многу дней, и домочадцы едва дождались Йоля, который обещал привнести радость в сердца. Природа подобного волнения была ясна, и, хоть никто и не произносил слова о Рагнареке вслух, в особо холодные, вьюжные и мрачные дни все мы становились неразговорчивы, не улыбкивы, сварливы. Один не выходил к нам, проводя целые дни в своем чертоге, суровый и молчаливый, как занесенный снегом Игдрассиль. Асград был словно затерян среди бесконечных и жестоких метелей, будто крестьянская избушка, он был серым и казался неуютным, неосвещенным, несмотря на то, что печи топились и днем, и ночью. Факелы, любившие бога огня, были безрадостны в его отсутствие, и коридоры освещались лениво и тускло.

Месяц Ньерда сменился месяцем Локи, и я, проснувшись в первый его день, все никак не мог припомнить сившийся мне дивный, яркий сон, каких не видел я уже много ночей. Всю зиму они были серыми, тягостными, и я просыпался, словно пробуждался от обморока. Сегодня все было иначе.

Буря, не унимавшаяся несколько дней, утихла, и домочадцы высыпали во двор, радуясь ровному снегу и безветрию. Скади обрадовано подходила то к одному, то к другому, уговаривая пройтись на лыжах по заснеженному лесу. Шепталось на все лады в прозрачном воздухе имя Локи, а мне то и дело мерещился среди толпившихся асгардцев то его подбитый сободем плащ, то рыжая голова, то сопровождавший его резкий запах трав и снадобий, которые он таскал в карманах. Я осознал, что помню этот запах, и мне вдруг стало тепло в этом колючем морозце. Предчувствие чего-то радостного не отпускало, и я мучился им, и от того не был в силах насладиться мировой погодой.

К вечеру снег из белого стал серебряным, словно стены Вальхаллы, от сумерек. Они застали нас в лесу, в том самом лесу, где много месяцев назад, давно, будто бы в прошлой жизни, я впервые увидел Слейпнира.

Скади наклонилась, чтобы проверить крепление на лыжах. Мы и так намного опередили остальных, и я остановился, чтобы подождать ее, и поднял голову.

До полнолуния оставалось всего ничего, и поклажа Мани слепила. Складывались в созвездия светила в этом хрупком и сухом воздухе, но я не видел и тысячной части небосвода из-за нагруженных снежной поклажей ветвей вековых деревьев. Было безветренно, и в полумраке я слышал только наше со Скади сбитое дыхание, которое на морозном воздухе обретало цвет и форму.

Пошел снег. Мягко и успокаивающе падал он в этом безветрии, бесшумно и озорно оседая на одежде, и ничто, казалось, не двигалось больше во всем мире, кроме миллиардов этих падающих звезд.

- Надо возвращаться, - не побоялась нарушить умиротворение Скади, - будет пурга. Идем по лыжне, предупредим остальных. Да и темно уже.

Дома, в пиршественном зале, воздух которого был влажным от нашего дыхания, угощались пирогами и грогом. Фрейя запела, другие женщины тихо и стройно вторили

ей, и постепенно все прочие голоса стихли. Я вслушивался в знакомую с детства мелодию и слова, повествующие о сотворении мира, о злом великане Имуре, и снова чувствовал страх перед ним, будто я опять был маленьким мальчиком, которого забыли прогнать спать. Только сегодня рядом не было старшего товарища, который слушал бы песню с деланно серьезным лицом, стараясь не уснуть. Я закрыл глаза, и вдруг понял: теперь ничего не будет, как прежде. Больше не будет Локи, сына Фарбаути, несносного, сварливого Локи; Сигюн, осунувшаяся и внезапно постаревшая, уже не подхватит с другими женщинами тихую песню. Мысль об этом отозвалась там, где, как думал я, находилась моя душа, тихой и мягкой, как падающий снег, болью, и я понял, что теперь она будет там всегда. Светлая грусть, знакомая, должно быть, только мидгардцам, родных и любимых которых забрали Хель и Вальхалла.

Я встал из-за стола и тихо покинул зал. За мной увязалась Сив.

- Ты в порядке? – жена взяла мою руку своими мягкими руками, и я наклонился и поцеловал их.

- Все хорошо. Теперь все в порядке. Ты хочешь еще посидеть?

- Да, но, если хочешь, я пойду с тобой спать, - она улыбнулась, и я улыбнулся в ответ, обнял ее плечи, поцеловал в лоб.

- Я сегодня хочу побыть один.

- Я же все понимаю, - она серьезно посмотрела на меня, голубые глаза ее давно уже не заставляли сердце биться чаще, - доброй ночи, Тор.

- Доброй ночи.

В моих покоях было натоплено, но не душно, я закрыл плотнее ставни, чтобы не слышать вой вьюги, и лег, не раздеваясь. Первый день месяца Локи завершился, и я напрасно прождал чего-то, чего сам не мог бы назвать.

Я уснул мгновенно, и спал без снов впервые за много ночей, но что-то разбудило меня, я несколько времени полежал, пытаюсь понять, что это было. Потом я понял.

Стучали. Но то не был стук в дверь. Словно кто-то через равные промежутки времени бросал камешки в мое окно, и я медленно встал, на ощупь в темноте подошел к окну, и с трудом открыл разбухшие от мокрого снега ставни, за которыми все так же, как и в сумерках, сплошной завесой в безветрии падали снежные хлопья. На окне моем был сокол, которого я узнал бы из тысячи других птиц, и я, не говоря ни слова, не удивляясь, словно был во сне, отошел, чтобы впустить его.

И лишь когда я закрывал ставни, и за спиной моей ярко и весело заиграло пламя очага, я понял, что произошло. Я обернулся.

Локи, принявший свой обычный облик, стоял передо мной, не шевелясь, будто каменное изваяние самого себя, созданное мидгардцами. Он насквозь вымок, волосы, впитавшие влагу снега, потяжелели и потемнели, но он обращал на это не больше внимания, чем на пыль под ногами. Глаза его, отражавшие мечущееся пламя, следили воровато за каждым моим движением. И тогда я опомнился, я моргнул, и наваждение исчезло.

- Что ты здесь делаешь?

Движение пальцев – и я уже сжимаю в руках Мьелльнир, а Локи, видя это, только криво и невесело усмехается.

- Ты можешь убить меня, если на то твоя воля. Я безоружен, - и он поднимает обе свои руки, красные, как гусиные лапы, от холода, и протягивает их ко мне.

Этот жест почему-то вызывает доверие и одновременно жалость, и я опускаю оружие и

делаю шаг ему навстречу. Локи качает головой, шмыгает красным носом, трет ладони друг о друга.

- Я дам тебе сухую одежду.

Не глядя на него, прохожу мимо, достаю из сундука сухую рубаху и штаны, протягиваю ему, но не смотрю на него, пока он переодевается. Я смотрю на огонь, и у меня есть немного времени, но я не могу думать, я только жмурюсь от яркого света и от медной, теплой боли внутри. Локи кашляет, я оборачиваюсь на звук.

Он завязывает тесемки на штанах, они ему очень велики, как и рубаха – я вижу выступающие ключицы, жилистую гибкую шею. Локи развешивает мокрую одежду у огня, и мне достаточно сделать один или два шага, чтобы коснуться его, но я не двигаюсь с места.

- Укройся, - и я не узнаю свой голос, а Локи смотрит на меня своими изменившимися (или я просто позабыл его взгляд?) глазами, смотрит долго и с неясным выражением, а потом забирается на кровать с ногами, заворачивается в покрывало из овечьей шерсти и лишь тогда, наконец, перестает дрожать. Волосы его спутались от влаги и ветра, напоминают лошадиную гриву.

Я жду.

- Я пришел просить твоего прощения, а начинать все равно приходится с благодарности, - устало усмехается он, - спасибо тебе, что не дал сдохнуть от холода.

- Пожалуйста. Зачем ты здесь? – стою напротив, смотрю на него, освещенного пламенем, сверху вниз, а он не сводит с меня глаз, будто пытается запомнить.

- Я же уже сказал. Я пришел попросить прощения. После этого, каким бы ни был твой ответ, я заберу Слейпнира, и мы уйдем отсюда.

- Почему ты вообще пришел именно ко мне? И с чего ты взял, что я не убью тебя?

- Ну, - он дергает плечом, - если бы ты хотел убить меня, ты бы уже это сделал. А я еще жив. Я пришел за твоим прощением и за Слейпниром...

- Ч-что? Кто сказал, что мы отдадим тебе его? Ты же перебежчик, ты сам ушел к йотунам! Ты предатель! И кстати, почему ты вообще здесь? Как ты попал в Асград?.. – вопросы и восклицания, томившиеся, как молнии в моем молоте, несколько месяцев, рвутся из меня, а Локи, будто придавленный их тяжестью, опускает голову, и поднимает ее, лишь когда я замолкаю.

- Позволь мне объяснить все по порядку. У меня было много времени, чтобы подготовиться к этому разговору, и теперь я уверен в каждом слове, что произнесу. Сядь рядом, прошу тебя.

Я сажусь на расстоянии вытянутой руки от него, он как-то обреченно качает головой, будто между нами – целая пропасть, и, прокашлявшись, начинает:

- Я просто хотел, чтобы вам не пришлось воевать. Я хотел защитить Одина, Сигюн, Слейпнира и...

- Почему ты решил, что знаешь лучше? – неясной природы раздражение не дало мне сдержаться, - Один сделал бы все так, чтобы угодить всем, чтобы спасти Слейпнира и не отдать тебя врагу! Ты сам ушел к ним, ты...

- Я не предавал вас, - теперь его голос – голос прежнего Локи, грубый и резкий, - хочешь знать, что пережил я? Ты хочешь это знать?!

Пальцы его вырывают шерстинки из покрывала, он бросает взгляд на свои руки, уже сплошь покрытые белыми ворсинками, он медленно отряхивает их и продолжает уже прежним, ровным голосом, будто чеканит слова, как шаги:

- Я был их пленником. Я провел в темнице все эти месяцы. Я видел солнце раз в несколько дней. И я носил жеребят для них.

- Так ты родил для них коней? Теперь все пропало, - простонал я, но он поспешил оборвать меня.

- Нет же! Они... Они родились мертвыми. Вчера это произошло. Два жеребенка, каждый о четырех ногах, они погибли в моем чреве, и йотуны жестоко обругали меня, они хотели было убить меня, но решили, что это сделает за них мороз. Оказались неправы, - тут Локи победно ухмыльнулся, - не так-то просто прикончить сына Фарбаути!

- Так ты... Не хотел этого? – все то, что укладывал я в своей голове несколько месяцев, рухнуло.

- Я не хотел этого. Я хотел защитить вас.

- Но Один сказал, что ты ради других никогда не пожертвуешь собой.

- Один! – вздыхает он и морщится, как от боли, - он, верно, отрекся от меня? Я в бреду тоже кричал, что он не брат мне боле, но я тоскую по нему неимоверно, тоскую, как по кровному брату!

Локи закрывает руками лицо, нажимает грязными пальцами на веки, и этим простым движением он вдруг перечеркивает всю неприязнь, что искусственно взрастил я в себе, и то чувство, что терзало меня летом и осенью, вдруг, словно пробудившийся после спячки зверь, побуждает меня приблизиться к нему, коснуться его. Я решаюсь только на слова:

- Он простит, когда услышит это. Мы просто... Мы думали, ты предал нас. Понимаешь... Нет, это неважно. Один тоскует по тебе, как по брату, и он любит тебя, Локи. Как все Асы и Ваны...

Бог огня отнимает руки от лица и смотрит мне в глаза, будто пытаюсь уловить в них что-то, молчит, и я вдруг решаюсь:

- Как и я.

И лицо его словно расслабляется, отпускает маску боли, застывшую на ней за эти месяцы, и он закусывает губы, отворачивается, запускает пальцы в волосы.

- Я не верю, - бормочет он, - я не верю! И ты не веришь мне! Ты и не можешь верить, ты и не должен! Тор, помолчи, ты убиваешь всю мою решимость!

Он снова смотрит мне в глаза.

- Я не должен оставаться в доме, где меня не ждут.

- Да Хель тебя раздери! Что за бабские капризы?! Ты что несешь, слышишь себя вообще?! – он выводит меня из себя, и его забитый вид кажется мне жалким, но не жалобным, - Я уже сказал, что тебя простят, что тебе надо еще?!

- Помолчи.

Его спокойная и кажущаяся мне напускной печаль злит еще сильнее, я вскакиваю на ноги, начинаю мерить шагами комнату, лишь бы дать хоть какой-то выход моей ненависти, иначе я не смог бы сдержать это желание вбить ему свою мысль в голову силой.

- Тор, я пришел попросить прощения. Ты прощаешь? Прости меня и дай уже уйти отсюда!

- Нет! НЕТ! – я разворачиваюсь и рычу это ему в лицо, - если мое прощение даст тебе уйти, то нет, сволочь, ты не прощен! Ты остаешься в Асграде, проклятый ты ублюдок! Да почему ты считаешь себя умнее всех?! Почему у тебя вечно свое на уме, неужели ты всерьез полагаешь, что...

Он вдруг тоже вскакивает на ноги, раззадоренный моими криками, и с неожиданной для

измученного тела силой толкает меня в грудь:

- Да! Я не могу понять, почему ты вообще говоришь со мной?! Почему пустил меня?! Я же предатель, разрази меня гром! Ну? Что на это скажешь?

- А какого беса ты явился?! – толкаю его в ответ, глаза его горят уже неприкрытой враждебностью, от слабого сгорбленного мальчишки не осталось и следа, передо мною – снова заносчивый, задиристый, злобный бог огня.

- Лапы убрал! А ты будто не понял?! Безмозглый вояка, только кулаками махать и горазд, а?!

Он блокирует мой удар, но я бью левой рукой, голова его запрокидывается, он делает шаг назад, чтобы не упасть, а потом неожиданно бросается на меня, как лис. В нем слишком мало веса, чтобы сбить меня с ног, и я пытаюсь его оттолкнуть, но он ящерицей вцепляется в рукава моей рубахи, и я падаю на кровать вместе с ним. Локи вопит от боли – я придавил его – и тут же начинает бить меня везде, куда может дотянуться. Мы катаемся по кровати, рыча и проклиная друг друга, позабыв уже, о чем спорили, ненавидя лишь за то, что так долго заставляли друг друга тосковать. И как только я понимаю это, я расслабляю мышцы, позволяя Локи прижать меня к кровати.

Он еще не понимает, что я сдался, он с присвистом дышит, стискивая мои руки, недоумевая, почему я не пытаюсь разбить ему нос. Его оскаленное лицо покраснелось и покрыто каплями пота, вздулись на висках вены, Локи сидит на мне, и сквозь ткань я ощущаю прикосновение его члена к своему, и, посмотрев ему в глаза, осознаю, что он тоже смущен этим чувством. Локи ослабляет хватку, и я пользуюсь его замешательством, чтобы высвободить руки, притянуть его за затылок к себе, и силой заставляю целовать себя. Он со стоном впускает мой язык в свой рот, а потом сам начинает целовать меня, жадно, прижимаясь ко мне всем телом, руки его стискивают мои плечи.

- Сука, - рычит он и снова впивается в мои губы.

Он стаскивает через голову рубашку, но я не успеваю даже открыть глаза, чтобы полюбоваться им, как он целует уже мою шею, его движения грубоватые, и я пугаюсь, когда он вдруг сползает ниже, развязывает тесемки на моих штанах. Он не смотрит на меня, когда берет мой напряженный член в свои руки, а затем и в горячий рот. Он облизывает только головку, и я со стоном толкаюсь ему в глотку, невыносимо желая большего. Локи прерывается и злобно смотрит на меня:

- Не смей, - шипит он, - я знаю лучше.

Влажными от пота руками он сжимает мои бедра, раздвигает их, продолжая вылизывать головку, и я опираюсь на локти, чтобы видеть, что он делает. Глаза его закрыты, но мне нравится смотреть на него. Вот он медленно вбирает в себя мой член полностью, и я чувствую, как головка касается его горла, и ощущение это просто невыносимо, оно вырывается стоном, и Локи снова останавливается, поднимает голову, облизывает покрасневшие губы. «Дразнит, ублюдок!» - понимаю, и я уже готов силой заставить его продолжить, но он сам наклоняется, обхватывает мой член рукой, начинает гладить его, не сводя с меня все того же злобного, дерзкого взгляда. Он смотрит на меня и когда лижет мой член – медленно, от самого основания и до головки, щекоча ее кончиком горячего языка, так, что у меня от наслаждения темнеет в глазах.

- Я хочу тебя, - вырывается из моей груди, и я наматываю на руку его волосы, притягиваю к себе, впиваюсь в горьковатые от моей смазки губы, и он с готовностью отвечает, он раздевает меня и раздевается сам. Я целую его соленую кожу, вдыхаю кислый запах его пота, и он запрокидывает голову, а я вылизываю его шею, дрожащую от стонов. Его руки

сжимают мои плечи, он пытается обнять меня, но я не даюсь. Мне невыносимо хочется попробовать его.

Локи замирает, когда я беру в рот его член. Вкус его удивляет, ибо никогда я не делал этого прежде, но мне нравятся жесткие темно-рыжие волосы, нравится запах его, нравится мягкая кожа, обтянувшая твердый и горячий член, нравится сочащаяся смазка.

- Зубы, - шипит он, и я осторожно пытаюсь повторять то, что делал со мной он.

Я смачиваю гладкую головку слюной, обхватываю губами, и сдавленный стон дает мне понять, что я делаю все верно. Локи чуть приподнимает бедра, я понимаю, чего он хочет, и, смочив палец слюной, раздвигаю его ягодицы. Он сам насаживается на мой палец, который проникает глубоко в его теплое нутро, и я осознаю, как нестерпимо хочется моему возлюбленному, чтобы внутри него оказался мой член.

Локи зовет меня по имени, я отрываюсь от его крепкого, со вздувшимися венами члена, и поднимаю глаза, мое дыхание сбилось, и он томно бормочет, касаясь пальцами моего лица:

- Ублюдок, как же ты дышишь... Горячо...

Я снова целую его, и он обхватывает ногами мою талию, так, что его член касается моего живота, вызывая желание снова взять его в рот, но Локи смотрит на меня затуманенным похотью взглядом, с губ срывается просящий стон, и он сам берет мой член в руку и насаживается на него. Он до боли узкий и горячий, он очень сухой по сравнению с женским лоном, но ни одна женщина не способна одарить меня чувством, подобным этому. Граничащее с болью удовольствие мое зеркально отражается и на его искаженном сладострастием лице, которое словно создано для этого выражения. Я начинаю ритмичными толчками двигаться в нем, и Локи запрокидывает голову, но лишь для того, чтобы через секунду снова посмотреть мне в глаза.

- Тебе не больно? – хрипит он, берет мою руку, кладет на свое бедро.

- Мне хорошо, - улыбаюсь, закрываю глаза и слышу, как он просит поцеловать его.

Я наклоняюсь, целую его сладкий, влажный рот, кладу голову на его плечо, дышу ему в шею, он запрокидывает голову, и я понимаю, что его возбуждает это. Я прикусываю его ухо, и он стонет, бормочет что-то нечленораздельное, и я понимаю, что он слишком, непривычно тугой, что я не вынесу долго.

- Локи, давай остановимся...

- Что такое? – берет мое лицо в свои руки, - больно?

- Нет, просто я сейчас кончу, слышишь...

- погоди, я сейчас. Давай побыстрее, вот д-да...

Я продолжаю вколачиваться в него, целую его, и вдруг он запрокидывает голову, дрожит, и я смотрю на свой живот, на который толчками изливается его семя.

- Теперь нельзя, подожди, - шепчет он, - дай мне секунду...

Он делает глубокий вдох, а потом жестом велит мне лечь на спину, и через секунду я снова чувствую на своем члене его горячие губы. Я больше не могу, мне кажется, что я умру в тот же миг, как это закончится, а он, верно, применяет какую-то магию, ибо это слишком, слишком хорошо...

- Предупредить?.. – я не узнаю свой голос, а он прерывается лишь на миг, чтобы ответить отрицательно.

Когда я изливаюсь ему в рот, то потом несколько мгновений не могу прийти в себя. А когда открываю глаза, он лежит рядом и смотрит на меня. Мне не хочется шевелиться, и

я счастлив, что он не прижимается ко мне, как делают это женщины.

- Я хочу спать, - говорю.

Мы ложимся в кровать, как положено, и только тогда он кладет голову мне на плечо, мне тяжело, но я не хочу, чтобы что-то было иначе. Я обнимаю его влажное от пота жилистое тело, и он засыпает первым, тихо, будто ребенок, а не мужчина, и я засыпаю тоже.

Не знаю, что разбудило меня, но, проснувшись, я отчего-то мгновенно понимаю, что его нет рядом. И я сажусь резко, так, что кружится голова, и вижу его, он стоит у распахнутого окна, и я понимаю, что он собирается сделать.

Снег перестал, небо светлеет неумолимо, и я зову его по имени. Он оборачивается и несколько секунд смотрит на меня.

- Останься, - я сам не слышу свой голос.

Он слышит.

Он закрывает ставни, тихо подходит ко мне, ложится рядом. И я верю, что теперь он не уйдет.